

Харькова Елена

И всё-таки я люблю!

Том 1

Елена Харькова

И всё-таки я люблю тебя! Том 1

«Автор»

2014

Харькова Е. П.

И всё-таки я люблю тебя! Том 1 / Е. П. Харьков — «Автор»,
2014

В романе рассказывается о непростой и полной крутых поворотов судьбе двух восхитительных женщин – матери и дочери. Обеим выпало жить в роскоши и бороться с нищетой, встретить в своей жизни большую любовь и пережить предательство, познать дружбу и столкнуться с ненавистью и подлостью. Кого-то трудности ломают, а кого-то закаляют. Сумеет ли хотя бы одна из героинь, преодолев все невзгоды, не разочароваться в людях и обрести веру в собственные силы? И кому из них все же посчастливится услышать: «И всё-таки я люблю тебя!»? Захватывающий роман, в котором есть юмор и грусть, настоящая любовь и надежда на счастье.

© Харьков Е. П., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Елена Харькова
И всё-таки я люблю тебя! Том 1

Часть 1

Солнышко

Глава 1

Верочка

*... и женился принц на Золушке.
Вот и сказке конец.*

В тесной комнатке заводского общежития царила суматоха. Нинка, полная широкоплечая девица, стоя на коленках возле кровати, рылась в чемодане. Маленькая шустрая Зинка, пританцовывая и напевая песенку, гладила на столе тяжёлым утюгом с деревянной ручкой платье. Томная красавица Инна, держа во рту сигарету, накручивала на бигуди рыжие волосы сидящей на стуле посередине комнаты виновницы переполоха Верочки. Вообще-то Инне не разрешалось курить в комнате. Но сегодня на неё возлагалось ответственное поручение: сделать из хорошенькой, но простенькой Верочки столичную красавицу. Поэтому, как творческому человеку, Инне сейчас не перечили, боясь спугнуть её вдохновение.

Время от времени дверь комнаты распахивалась, и в неё просовывалась взъерошенная голова Тони из десятой комнаты, которая трагическим голосом оповещала:

– Кошмар! У Ирки тоже нет!

– Ну тогда спроси у Любки из сорок второй комнаты. У неё, по-моему, была, – посоветовала Зинка.

Инна, скривив губы в презрительной ухмылке, произнесла нараспев:

– Ой, тоже мне, нашли, у кого искать. Да если даже у неё и есть, то с такой сумкой только на базар ходить, а не в приличном семействе появляться. Спроси лучше у Таньки из двадцать третьей.

– Нашла! – радостно завопила басом Нинка.

Еле поднявшись с коленок, она с гордостью продемонстрировала нитку красных пластмассовых бус.

– Еле откопала, – оправдывалась Нинка, – они вон на самом дне чемодана заховались.

– Нет, не подойдут, – забраковала бусы Инна, – шарики слишком крупные.

– Ну и шо? – обиделась за свои бусы Нинка. – Так же ж и горох на платье не шибко крохотулечный.

– Ладно, потом примерим и решим, – уступила Инна, не желая ссориться с подругой.

– А чё? Нормальные бусы. Красивые. А у меня есть обалденная заколка для волос. Принести? – сказала Тонина голова, всё ещё торчащая в двери и с интересом наблюдающая за сборами.

– Ты ещё здесь? – накинулась на неё Зинка. – А ну быстро уматывай! Скоро Вадим придёт, а у Верочки ещё сумки нет. Обойди хоть все комнаты, но без белой сумочки не возвращайся!

Рыжеволосая, вся обсыпанная веснушками, с маленьким курносым носиком и пухленькими губками, Верочка смотрела на всё происходящее полными ужаса голубыми глазами.

– Ой, а может, я без сумки обойдусь? – пролепетала она.

– Да ты что?! – возмутилась Инна. – А куда ты носовой платок положишь? В лифчик, что ль, засунешь?

– У меня нет насморка. Я и без платка обойдусь, – удивлённо пожала плечами Верочка.

– Приличная дама должна всегда с собой платок носить! И неважно, текут у неё при этом сопли или нет, – нравоучительным тоном произнесла Инна. – Ладно, не переживай. Если ни у кого не найдём белую сумочку, то я тебе свою красную отдам. Она под это платье тоже подойдёт. Правда, она мне сегодня тоже нужна, но у тебя мероприятие поважнее. Кстати, под красную сумочку нужны и красные туфли. У тебя какой размер?

– Тридцать седьмой.

– А у меня тридцать шестой с половиной. Я думаю, влезешь. Только ты в моих туфлях не танцуй, а то разносишь.

– Ты что, Инночка, какие танцы? У него родители такие важные! Я думаю, мы посидим, поговорим о том о сём и разойдёмся.

– Ну тогда так и быть, бери мою сумку и туфли. Должны же мы показать этим надменным москвичам, что и провинциалочки умеют красиво одеваться. Ну всё, вставай, я тебя накрутила. Зинка, догладила платье? Давай его сюда.

Зинка взяла за плечики белое в крупный красный горох крепдешинное платье и торжественно, напевая свадебный марш, вручила его Инне. Верочка послушно подняла руки, и девчонки все вместе стали аккуратно натягивать на неё платье, которое одевалось с большим трудом. Застряв где-то посередине, платье вдруг не пожелало продвигаться дальше ни вниз, ни вверх.

– Я же говорила, что не налезет, – проворчала Инна. – Верочка полнее меня.

– Не полнее, а просто у неё грудь побольше, вот оно на груди-то и застряло, – рассуждала Зина.

– Ща проскочит. Давайте я дёрну, – пробасила Нинка.

– Я тебе дёрну! Ты своими ручищами его порвёшь, – испугалась Инна.

– Так всё равно же дёргать придётся либо вверх, либо вниз, – «успокоила» её Нинка. – Так просто оно нипочём не слезет.

Девчонки отошли от стоящей с вытянутыми вверх руками Верочки и стали решать, что же делать дальше: либо платье тянуть вниз, рискуя его порвать, либо снимать вверх, но тогда придётся искать другое платье, а времени уже не было.

– Ой, девочки, решайте побыстрее, а то у меня уже руки затекли, – заскулила из-под платья Верочка.

В комнату опять заглянула Тоня.

– Девки, хоть бейте меня, хоть на хрен совсем убейте, но приличной сумки я не нашла. Есть одна у Вальки, но эта стерва не даёт. Говорит, что сама сегодня в кино идёт, – затараторила Тонька. – Ладно-ладно, я ей тоже больше ничего давать не буду. Захочет картошечки рязанской пожрать, придёт ко мне, попросит, а я ей скажу: «Хренушки тебе! На-кася, выкуси! Не дала нам сумку, вот и облизывайся теперь!»

Довольная предвкушением будущей страшной мести, Тонька радостно улыбалась. Только тут она обратила внимание на наполовину одетую Верочку.

– А чё это Верка у вас посреди комнаты как статуя стоит и панталонами сверкает?

– Да вот, моё платье на неё не лезет, – чуть не плача, произнесла Инна, уже пожалев о своей щедрости. Ведь это платье у неё было самое любимое.

– Ещё бы! Кто ж в бигудях платье надевает? Вот голова и застряла, – усмехнулась Тоня. – Вот дурёхи! Стаскивайте платье и снимите бигуди, тогда оно потом ползет как по маслу.

– Да не можем мы стащить! Оно ни туда ни сюда, – разозлилась Зинка на Тоню. – Тоже мне, умная выискалась! Советы тут раздаёт! С понтом прям из Дома Советов к нам в общагу припёрлась! Ну чё стоишь? Лучше помоги.

Тоня тоже попробовала стянуть с Верочки платье, но безрезультатно.

– Давайте я дёрну, – опять пробасила Нинка.

– Не смейте никто прикасаться к моему платью! – психанула Инна. – Вы его порвёте.
– Девочки, я что же, здесь целый вечер так стоять буду? – жалобно хныкала Верочка, но подруги лишь старательно хмурили брови, изображая напряжённую умственную деятельность.

Неизвестно, сколько бы ещё она так простояла, но в дверь постучали.

– Верунчик, это я, – послышался голос Вадима. – Ты готова? Можно войти?

– Нет!!! – хором завопили девочки.

А Верочка, как полоумная, заметалась по комнате, сшибая на своём пути стулья и всех, кто попадался. Девочки стали её ловить, а Нинка, поймав подол платья, дёрнула его вниз. Платье с громким треском наконец-то спустилось и эффектно обтянуло стройную Верочкину фигуру. Правда, на груди оно немного порвалось по шву, увеличив до непристойности и без того глубокое декольте.

– Ну вот, надо было мне раньше дёрнуть! – обрадовалась Нинка.

– Ты моё платье порвала! – завизжала Инна. – Кувалда! Твоими ручищами только шпалы тягать!

– Не реви, ничего с твоим платьем не будет. Оно вон как ровненько по шву порвалось. Мы его потом зашьём, – примирительно произнесла Нинка, нисколько не обижевшись на прозвище Кувалда, которое к ней прилепили парни из цеха.

– Сейчас-то по шву порвалось, а когда снимать будем, оно совсем в клочья разорвётся! – не унималась Инна.

– А мы Верочку потом в душ отведём, намочим и намылим. Тогда платье само и слезет, – подсказала Тоня, – да ещё и выстиранное!

Девочки обрадовались такому решению, и Инна успокоилась.

В дверь опять постучал Вадим.

– Нет-нет, я ещё не готова. Подожди меня на улице, я скоро выйду, – крикнула Верочка.

Вадим ушёл, а девочки стали решать, что же делать с декольте. Идти знакомиться с родителями жениха с чуть ли не вываливающейся из платья грудью – это, решили девушки, неприлично. Зинка попыталась прямо на Верочке зашить порванный шов, но при каждом вдохе ткань предательски трещала, грозя расползтись по ниткам. В конце концов решено было оставить платье в покое, а декольте чем-то прикрыть. Порывшись ещё раз в своих и соседских чемоданах, нашли ярко-зелёный блестящий платок. За неимением лучшего связали из него огромный бант и пришили к декольте. В довершение Нинка всё-таки нацепила на покорную Верочку свои бусы с крупными красными пластмассовыми шарами. Инна на это никак не отреагировала, потому что была жутко расстроена из-за платья и на всё махнула рукой.

Верочка с трудом влезла в розовые туфли, взяла в руки малиновую сумочку и встала на середину комнаты для всеобщего обозрения.

– Ну как? – робко поинтересовалась она. – Нормально?

Девочки задумчиво смотрели на своё пёстрое произведение.

– Красотища! – развеяла их сомнения Тоня.

Все облегчённо вздохнули.

Инна сняла с Верочки бигуди, начесала волосы в пышную причёску, потом сильно запудрила веснушки, отчего лицо приобрело мертвенно-белый цвет. Для придания свежести Инна густо наложила на щёки румяна, а губы намазала алой помадой. Длинные ресницы Верочки Инна накрасила тушью в несколько слоёв, нарисовала на веках толстые стрелки, что сделало глаза очень большими и выразительными. Девочки ещё раз оглядели Верочку. Она действительно из очаровательной девочки-простушки превратилась в яркую роковую красавицу. Теперь подруги довольно улыбались.

– Ох, сдохнуть можно, какая красотища! – решили все.

– Ой, а какое мне пальто надеть? – вспомнила девушка. – Моё-то совсем старенькое. Все посмотрели на Инну, у которой были самые лучшие вещи.

– Пальто я не дам, – набычилась красавица, – я и так её всю одела. А мне тоже сегодня на свидание идти.

– Ладно, Верунь, пальто своё надевай, – решила Зинка, – ты всё равно в нём только до квартиры дойдёшь, а там снимешь.

Верочка завернула туфли в газету, чтобы на улице они не промёрзли, а на ноги натянула войлочные сапожки. Зинка сняла с вешалки клетчатое пальто с воротником из искусственного меха и помогла Верочке его надеть.

– Ну всё, иди, – подтолкнула она подругу к двери, – а то жених совсем заждался. Вон на улице уже какая темень!

Верочка шагнула к двери и почувствовала, как у неё дрожат ноги.

– Ой, я не могу! Девчоночки, я так боюсь! Может, мне сегодня не идти?

– Ты что?! Сдурела? Мы столько с тобой возились! – накинулись на неё все.

– Но я не дойду! – почти плакала Верочка. – У меня колени трясутся и сердце вот-вот выпрыгнет!

– Так, срочно дайте ей валерьянку, – предложила Зинка.

– Валерьянка не поможет, – уверенно произнесла Инна, – лучше ей сейчас водочки выпить.

– Ты что, Инночка! Я же совсем не пью, – испугалась Верочка.

– А я тебе предлагаю не пьянствовать, а выпить немного для храбрости. Это как лекарство. Вот увидишь, страх как рукой снимет.

Тоня, как главный снабженец, тут же вылетела из комнаты и вскоре вернулась со стаканом, наполовину наполненным водкой. Верочку заставили хоть немного выпить, но она смогла сделать только один глоток, который обжёг ей горло. Верочка выпучила глаза и стала хватать ртом воздух.

– Тоже мне, – презрительно произнесла Инна, одним глотком допив оставшуюся водку, – дожила до восемнадцати лет, а водку даже не пробовала. А ещё замуж собралась! Соплюха ты ещё.

Девчонки зашикали на надменную красотку:

– Хватит тебе, Инна, она и так переживает.

Верочку усадили на стул и стали обмахивать газетой. Но через минуту водка разлилась по телу такой приятной тёплой волной, что страх действительно улетучился, и Верочка, успокоенная, подошла к двери.

– Так, Вер, ты, главное, там не дрейфь, – давала последние напутствия Инна, манерно жестикулируя руками. – Нельзя, чтобы они поняли, будто ты простая лимитчица, которая двух слов связать не может. Тогда они своего сыночка за тебя ни за что не отдадут. Будь раскованна, больше разговаривай, шути, смейся. Пусть думают, что ты их нисколько не боишься, что для тебя эти смотрины фигня. У тебя, может, таких смотрин штук десять уже было, но ты всем этим плюгавым москвичам отказывала. Вот. Не они одолжение делают, что женят на тебе своего сыночка, а ты им. Усекла?

– Верунь, а когда ты замуж за Вадима выйдешь, – добавила Зинка, желая тоже посоветовать подруге что-нибудь умное, – то сразу его родителей мамой и папой называй. Им это очень понравится.

Верочка робко закивала, глядя на всех несчастными глазами, обречённо повернулась к двери и вышла.

– Смотри только, моё платье не обляпай, – крикнула ей вдогонку Инна, – а то можешь тогда в общагу не возвращаться.

Как только за Верочкой закрылась дверь, девчонки тут же прилипли к окну, толкая друг друга бёдрами, чтобы получше разглядеть в темноте счастливую парочку.

Они увидели, как подружка подошла к Вадиму, тот обнял её, поцеловал и, взяв за руку, повёл к машине.

– Ох, повезло же Верке! – завистливо произнесла Тоня. – Такой парень! И красивый, и образованный, – она глубоко вздохнула, – и москвич!

– А вы заметили, какие у него глаза? – восхищённо сказала Зинка. – Большие-большие, такие умные глаза. И зелёные! Обалдеть! Я такого цвета глаз ещё не видела.

– А какая у него машина! – добавила Инна.

– Мне бы такого хлопца, – пробасила Нинка, – я бы для него всё шо угодно сделала!

– Ага. Шаболовскую башню бы снесла, – съязвила Инна, – и на руках бы его носила.

Она была зла на Нинку из-за платья, поэтому и старалась её обидеть. Но Нинка давно смирилась с тем, что над ней из-за роста и полноты постоянно насмехаются.

– Хватит тебе, Инна, ты завидуешь, вот и злишься на всех, – отчитала подругу Зинка.

– Я завидую?! – возмущённо воскликнула Инна. – Да чему тут завидовать? Несчастливая она дурочка. Всё равно ничего у них не получится. Он наиграется с ней как с забавной куклой да и выгонит. Хорошо, если ещё не с ребёнком на руках! Вокруг него такие бабы будут крутиться, что он очень скоро поймёт, что Верка ему не пара.

– Да ты что говоришь! – закричала Зинка. – Никогда он её не выгонит! Никогда! А ты просто злая завистливая стерва!

– Я?! Стерва?! А ты глупая наивная пигалица! Вот ты кто! И вообще мы очень скоро увидим, что я была права. Да-да-да!

– И смотреть нечего. Верочка с Вадимом замечательная пара! А ты... ты... – Зинке не хватало слов от злости, – ты больше ко мне не подходи! Я не хочу с тобой разговаривать! Вот!

– Хватит вам ругаться, – примирительно произнесла Нинка, – все мы немного завидуем Верочке. Конечно, ей повезло, хлопец он хоть куда! Шибко трудно ей потом придётся, это точно, но давайте пожелаем, чтобы всё у них было хорошо. Честное комсомольское, я буду очень этому рада. А ты, Зинка, на Инну не злись. Она вон как Верочку придела и накрасила, даже свои вещи не пожалела. Так шо Инна не злая, а добрая. Помирись. Ну? Глупо из-за этого ссориться. Мы же подруги!

Нинка легонько толкнула Зину в плечо.

– Ладно, – примирительно улыбнулась Зинка. – Ну что, опять дружба навеки?

– Навеки, – улыбнулась в ответ Инна.

Девчонки успокоились и стали смотреть в окно, вздыхая каждая о своём.

В дверь постучали.

– Инна, это наверняка твой милый, – обрадовалась Нинка.

– Сколько раз повторять: с «милым» я рассталась две недели назад, а это «любимый», – проворчала Инна, медленной походкой направляясь к двери. – Надоел, зараза, как чёрт. Ревнует к каждому ослу.

Инна остановилась у зеркала, поправляя причёску. Всех своих многочисленных ухажёров она называла не по именам, а, чтобы не сбиться, давала им ласковые прозвища.

– И правильно делает твой «любимый», что ревнует, – съязвила Зинка, – нечего перед этими осликами задницей крутить.

– Перед кем хочу, перед тем и кручу, – невозмутимо сказала Инна. – Я пока девушка свободная и нахожусь в творческом поиске своего суженого. Это ты выскочишь замуж за первого, кто тебе сдуру это предложит.

Зинка хотела ответить, но Инна уже открыла дверь и со сладкой улыбкой произнесла нараспев: «Любимый, как я по тебе соскучилась!» Далее она обвила шею высокого симпа-

тичного парня руками и продемонстрировала подругам долгий поцелуй. Девчонки стыдливо отвернулись к окну.

Машина подъехала к высокому мрачному дому, облицованному тёмно-серым камнем. Верочка задрала голову, пытаясь сосчитать, сколько же этажей в этой громадине. Но Вадим, не дав закончить подсчёт, взял её за руку и повёл к подъезду.

Массивная дверь с грохотом захлопнулась, и они оказались в просторном холле, ведущем к широкой мраморной лестнице. Справа у входа располагалась застеклённая каморка вахтёра, из которой поспешил выйти старичок.

– Добрый вечер, Вадим Николаевич, – подобострастно улыбнулся старик, открывая украшенные чугуном литьём двери лифта. – Ах, какая красавица с вами!

– Моя невеста, – важно сказал Вадим.

– Невеста?! Вот радость-то какая! – воскликнул старичок. – Значит, скоро в вашей квартире будет жить молодая хозяйushка? Поздравляю, поздравляю! Передайте мои поздравления и Николаю Ефимовичу с Анной Брониславовной.

– Ладно, ладно, Кузьмич, передам, – сказал Вадим, желая поскорее избавиться от назойливого старика. – Поехали.

Кузьмич наконец-то закрыл двери лифта, кабинка дёрнулась и со скрежетом поехала вверх.

– Невеста! – прыснула Верочка. – Хозяйushка! Так смешно слышать такие названия. Словно я уже взрослая дама.

– А кто же ты? Конечно, ты уже взрослая. И скоро ты станешь моей женой и хозяйкой в моём доме.

Вадим прижал к себе Верочку и хотел поцеловать, но девушка вырвалась.

– Ой, Вадимка, осторожно, ты же мне всю помаду сотрёшь! – испугалась Верочка, но потом приникла к любимому, положив ему голову на плечо. – Всё равно мне не верится, что скоро у меня будет свой дом, свой муж и даже родственники! У меня же никогда не было ничего своего, всё только казённое, только общее. Ой, Вадим, а как ко мне отнесутся твои родители? Мне так хочется, чтобы они мне стали как мама с папой! Ведь своих я никогда не видела. Я твоих родителей буду сильно-сильно любить! И ухаживать за ними буду!

– Это ни к чему, – улыбнулся Вадим, – они ещё не старые, сами о себе заботятся. Папа, правда, намного старше мамы, но он же бывший военный, так что держится молодцом. А маме нет ещё и пятидесяти. Она у меня красавица!

– Конечно, родители у тебя замечательные, раз ты сам такой красивый и хороший.

Верочка хотела чмокнуть Вадима в щёку, но тут кабина остановилась. Они вышли из лифта и встали перед дверью из красного дерева с прибитыми к ней латунными цифрами 69. Верочке опять стало страшно.

– Подожди, не звони, дай я с духом соберусь. Уф, – выдохнула она. – Ну всё, нажимай.

Звонок мелодично прозвенел. За дверью послышались шаркающие шаги, и защёлкал замок. Нервы у Верочки были напряжены до предела. Ей казалось, что ещё минута, и она рухнет на мраморный пол от разрыва сердца. Когда дверь открылась, Верочка, сама не соображая, что делает, со словами: «Здравствуйте, мама!» обняла появившуюся за порогом полную седую женщину в фартуке.

Только тут Верочка увидела стоящих в нескольких шагах позади этой женщины красивую холёную даму и высокого пожилого мужчину. Верочка растерянно отпустила женщину и виновато посмотрела на ошарашенных родителей жениха. Возникла неловкая пауза. Вадим попытался разрядить обстановку.

– Верунь, это наша Глаша. Она мне как вторая мама, вырастила меня с пелёнок. А вот это мои родители, – Вадим подвёл Верочку к ним. – Познакомься.

Мать Вадима стояла с поджатыми губами. То, что эта девушка перепутала её с домработницей, оскорбило её до глубины души.

– Анна Брониславовна, – процедила дама.

– Вера, – чуть присев в поклоне, словно придворная при королеве, пролепетала Верочка.

– Николай Ефимович, – по-военному произнёс мужчина. – Приятно с вами познакомиться, Вера. Раздевайтесь и проходите в зал. Давайте я за вами поухаживаю.

Галантность папы Вадима немного успокоила девушку, и она стала расстёгивать пальто. Николай Ефимович помог ей его снять, и Верочка предстала перед будущими родственниками в своём странном наряде. Особенно сильное впечатление на них произвёл огромный зелёный блестящий бант на её груди. По тому, как все изумлённо уставились на неё, Верочка решила, что выглядит она действительно потрясающе. Это её ещё больше приободрило. Со словом: «подождите, пока не смотрите!» она присела на корточки, развернула на полу газетный свёрток, достала оттуда розовые туфли и, надев их, радостно произнесла: «Вот теперь всё! Смотрите!!!»

Губы Анны Брониславовны скривились в презрительной ухмылке, но она быстро взяла себя в руки и изобразила вежливую улыбку.

– Пойдёмте в зал. Стол уже накрыт, – произнесла она, развернувшись и пошла в комнату.

– Да-да, пора садиться ужинать, – согласился Николай Ефимович и пошёл вслед за женой. Верочка, схватив сумку, поспешила за ними.

– Зачем ты этот бант нацепила? – недовольно прошептал Вадим. – Сними сейчас же.

– Да ты что, Вадимчик, он же красивый! – удивилась недовольству жениха Верочка.

– Всё равно сними.

– Я не могу, – растерялась она, – он крепко пришит.

Все сели за стол. Только Верочке было немного неудобно, потому что она поставила на колени сумку и держалась за неё двумя руками.

– Давай я положу твою сумочку, – предложил Вадим.

– Ты что! Там же носовой платок! – вцепилась она в ручки сумки мёртвой хваткой.

Вадим, не желая ещё больше усугублять неловкость, оставил её в покое.

Анна Брониславовна еле сдерживала раздражение. Она много чего ожидала от своего избалованного сынули. Но то, что он решил жениться на этой неотёсанной девице, превзошло все её самые худшие опасения. Ведь у него всего лишь полгода назад была такая замечательная девушка! Катенька и красавица, и интеллигентная, и образованная, а самое главное – она дочь самого Виктора Сергеевича! Если бы они поженились, то будущее Вадюши было бы в надёжных руках. Но однажды Вадим приревновал Катеньку к какому-то парню, с которым увидел её в кино. Подумаешь! Чего по молодости не бывает? Но Вадим на Катю рассердился и перестал с ней встречаться. И вот назло ей нашёл себе это посмешище! А ведь Катенька до сих пор любит его, часто звонит, приглашает в гости. Да и Виктор Сергеевич не раз намекал на то, что неплохо было бы помирить молодых. Да где уж тут! Вадюша такой упрямый. Если вбил себе что-то в голову, то никто его не переубедит.

«Ох, сама я виновата. В детстве ни в чём ему не отказывала, вот он и привык, что всё всегда по его выходит. Правильно Николай Ефимович всегда говорил, что надо быть построже с сыном. Вот теперь и пожинаем плоды»

– Верочка, вы что будете? – пытался разрядить напряжённую атмосферу Николай Ефимович. – Хотите форшмак из селёдки или фрикасе из курицы? А может, вам оливье положить?

Верочка, испугавшись незнакомых названий, растерянно хлопала глазами.

– Вообще-то я неголодная. Я в обед так картошкой с луком объелась, что аж живот чуть не треснул!

– Папа, положи ей салат, – помог девушке Вадим. – А давайте выпьем за знакомство.

– Да-да, давайте выпьем! – обрадовалась Верочка, помня, как спиртное помогло ей расслабиться и избавиться от страха, и тут же протянула свою рюмку.

Родители удивлённо на неё посмотрели. Николай Ефимович разлил вино по бокалам, и Верочка тут же залпом выпила кисло-сладкую жидкость.

– За знакомство, – хмурясь, произнёс Николай Ефимович, после чего выпили остальные.

– Ты закусывай, не стесняйся, – сказал Вадим, стараясь подавить в себе раздражение. Ему было очень жалко несмышлёную в этикетке Верочку, и в то же время росло чувство стыда перед родителями.

Верочка с восторгом ощущала, как вино теплом разливается по её телу. Щёки её покраснели, глаза заблестели, а на душе появилась такая лёгкость, что аж хотелось смеяться.

– А давайте ещё за что-нибудь выпьем! – осмелела она.

– Конечно, мы выпьем. Потом. А пока вы поешьте что-нибудь, – строгим голосом сказал Николай Ефимович и, чтобы завязать разговор, начал расспрашивать гостей: – Вера, расскажите о себе. Где вы живёте, где учитесь, кто ваши родители? А то мы из Вадима слово не можем вытянуть.

– Я живу в общежитии на Крупской. Ну эта общежития от нашего завода. Я там работаю. Вот. А учиться я давно уже закончила. Я ведь уже взрослая, – засмеялась Верочка.

– Да? И что же вы закончили? – поинтересовалась мать.

– Как что? Школу. В нашем 102-м интернате была школа. Я её и закончила.

– Школу в интернате?! – поразились Анна Брониславовна.

– Ну да. А что вы удивляетесь? У нас была хорошая восьмилетка. Мы почти все её закончили. Ну кроме тех, конечно, кого признали олигофренами. Тех в спецшколу увозили.

У Анны Брониславовны раскрылся рот от удивления. А Верочка, вдохновлённая появившимся у неё вдруг красноречием, продолжала:

– А вы знаете, что наша школа считалась лучшей из всех интернатовских школ в Саратове? Нам даже вымпел дали и присвоили звание школы имени Луиса Корвалолоа.

– Корвалана, – поправил её Николай Ефимович.

– Ах да, Луиса Корвалана. Я всегда путаю. У нас просто в школе физик был. Его, правда, потом выгнали за извращёнку, – рассказывала Верочка, одновременно пережевывая салат. – Так вот, у него было прозвище Корвалолик. Он когда в запой впадал, у него всегда плохо с сердцем было. Только корвалолом и спасался. От него постоянно спиртягой и этим лекарством так воняло! Вот ему такое прозвище и дали: корвалол и алкоголик получается Корвалолик.

Верочка засмеялась. Она была довольна собой. Как и учила её Инна, она была раскованна, много говорила, шутила, смеялась. Теперь родители Вадима не скажут, что она затюканная провинциалка.

– Простите, а из-за какой такой извращёнки выгнали вашего Корвалолика? – поинтересовался Николай Ефимович.

– Ой, представляете, этот Корвалолик с виду такой замухрышка был, к тому же старый, ну как вы, папа Николай, а таким извращенцем оказался! Он за нами, за девчонками, любил в туалете подглядывать. Он для этого даже в стене дырку просверлил. Его несколько раз за этим занятием ловили, а потом выгнали.

Родители сидели потрясённые. Они не знали, о чём ещё расспрашивать будущую невестку. Но обстановку разрядила Глаша, которая внесла в комнату на овальном серебряном подносе большого гуся с поджаристой золотистой кожицей.

– А вот и гусь с яблоками! – торжественно произнесла разгневавшаяся не меньше чем гусь женщина. – Ой, а что же вы ничего не съели?

– Да, действительно, давайте кушать, – сказал Николай Ефимович. – Верочка, подайте свою тарелку. Я вам положу кусочек побольше. Вы какой гарнир предпочитаете: картошку фри или макароны?

– Макароны, – обрадовалась Верочка хоть единственному знакомому блюду. – А вы знаете, мы в интернате очень любили макароны. Особенно толстые с большой дыркой. Мы сухие воровали на кухне, а потом через них плевались жёванной бумагой... Ой. Я, наверное, не то говорю, – наконец-то осеклась она.

– Ну почему же, – усмехнулся Николай Ефимович, – нам очень интересно слушать про ваши макароны.

Анна Брониславовна уткнулась взглядом в тарелку, еле сдерживая слёзы. Она бы давно уже выгнала эту девицу, но её останавливало только то, что Вадим может разозлиться и уйти из дома. Он не раз этим их с отцом шантажировал. Перехватив сердитый взгляд сына, Анна Брониславовна решила его не злить и попыталась тоже пообщаться с девушкой.

– Скажите, Вера, а почему вы очутились в интернате? – спросила она. – С вашими родителями что-то случилось? Или, может, вы были чем-то больны? Я знаю, что есть интернат, например, для детей, больных туберкулёзом.

– Да нет, ничем я в детстве, кроме дизентерии и чесотки, не болела. А что с родителями случилось, я не знаю. Я их в глаза не видела. Я сначала в доме малютки жила, потом в детдоме, а с третьего класса меня в наш интернат перевели. Вот.

Лучше бы Анна Брониславовна ни о чём не спрашивала. Ей стало ещё хуже. Поэтому на предложение Верочки опять выпить она первая сказала: «Да, конечно. Давайте выпьем». А Верочке захотелось снова выпить, потому что она чувствовала, что её красноречие и веселье постепенно угасают, уступая место смущению и страху.

Когда вино в бокалы было разлито, Николай Ефимович встал и произнёс тост.

– Я хочу выпить за твоё счастье, сын. Я прожил долгую жизнь и знаю, что самое главное в жизни – это крепкие тылы. Тогда и работать ты сможешь с полной отдачей, и родине добросовестно служить. Я желаю тебе, Вадим, чтобы ты не ошибся в выборе и женился на той, которая будет достойна тебя и не опозорит нашу славную фамилию Легушовых.

Вадим тоже встал.

– Верочка, мы пьём за тебя, – сказал он. – Давайте чокнемся.

Все поднесли бокалы, и раздался хрустальный звон.

– Ой как здорово! Давайте ещё чеканёмся! – воскликнула Верочка. – Я тоже хочу произнести тост!

Николаю Ефимовичу пришлось опять налить вино. Верочка поднялась, сжимая в одной руке бокал, а из другой не выпуская сумку.

– Давайте опять все встанем! – расхрабрилась опьяневшая то ли от вина, то ли от счастья Верочка.

Вадим сразу встал. Нехотя поднялись и родители.

– Я хочу выпить за нашу дружную семью! – торжественно произнесла Верочка. – Ох, как я вас теперь всех люблю! Вы же теперь мои мама и папа!

При этих словах Анна Брониславовна пошатнулась, и бокал чуть не выпал из её рук, выплеснув своё содержимое прямо на зелёный бант Верочки. Платок съёжился и вместо шикарного банта повис на груди мокрой тряпкой.

– Ой! Что вы наделали! Зинка меня приберёт! – вскрикнула Верочка и выбежала из-за стола. – Где у вас раковина? Мне надо срочно постирать платок.

Вадим проводил Верочку в ванную, а сам вернулся в комнату.

– Ты это сделала специально! – накинулся он на мать.

– Нет, Вадюша, просто у меня нервы не выдержали. Сынок, неужели ты хочешь привести в наш дом эту клоунессу с бантом?!! Не губи свою жизнь! Одумайся! Посмотри, какое ничтожество ты выбрал!

– Не смей оскорблять мою будущую жену! Я женюсь на ней. Хотите вы этого или нет, мне всё равно. Завтра мы с ней подадим заявление в загс.

– Вадим!!! – почти хором взмолились родители.

Но продолжить мольбу они не смогли, потому что в комнату вошла Верочка. Бант ей пришлось оторвать, поэтому взорам и без того безутешных родителей предстало совершенно неприличное декольте будущей невестки. Верочка размахивала мокрым платком, как бы просушивая его.

– Отстиралось! – сказала довольная Верочка, но, увидев расстроенные лица родителей, добавила: – Да ладно, не переживайте вы так. Ни одного пятнышка не осталось. Я на вас больше не сержусь. Только в следующий раз вы, Анна Бр... Бры... Бро... В общем, мама, вы больше так много не пейте. Слабенькая вы. А куда мне платок повесить? Можно на эту тумбочку?

И, не дожидаясь ответа, подошла к старинному комоду, инкрустированному разными породами дерева, и разложила на нём мокрый платок.

– Кстати, вы не думайте, что я там какая-то заваливающаяся лимитчица, – рассуждала Верочка, разглаживая на платке морщинки. – И вообще ваши смотрины для меня фигня. У меня таких смотрин восемь штук уже было. И я всем этим плюгавым москвичам отказывала. Да-да-да.

Разгладив платок, Верочка вернулась на своё место и наклонилась над столом, демонстрируя во всей красе обнажённую грудь.

– И неизвестно ещё, кто кому одолжение делает, – сказала она важным тоном. – Вадим мне или я ему. Вот.

Она села за стол.

– А давайте ещё выпьем! – произнесла совсем осмелевшая Верочка. Ей казалось, что она имеет большой успех у родителей Вадима. – Только Анне Бронтославовне больше не наливаем. Вы с нами, мама, пустым стаканом стукнитесь.

Анна Брониславовна, не в силах больше терпеть, со слезами на глазах встала и, извинившись, стремительно ушла в другую комнату.

– Чё это она? Обиделась? – удивилась Верочка. – Да ладно, нальём мы ей. Пусть не переживает. Что нам жалко, что ли. Только пусть тогда сидя пьёт, а то если она мне ещё и платье обольёт, Инна меня из общаги на фиг выгонит. Придётся мне тогда у вас, папа Николай, до свадьбы поселиться.

Николай Ефимович тоже встал и со словами «прошу прощения, я неважно себя чувствую, голова болит» вышел из комнаты.

– Да, слабые у тебя родители, – сделала вывод Верочка, – пить совсем не умеют. Сразу плохо им, руки трясутся, голова болит. Ну папа, понятно, старик. А вот мама вроде не очень старая, а уже такая развалюха.

– Пойдём, тебе пора в общежитие, – устало произнёс Вадим. Эта встреча далась ему очень тяжело. Верочка своей непосредственностью и неискущённостью, всем тем, что ему в ней особенно нравилось, почему-то всё испортила.

«А может, правы родители? Может, действительно не надо на ней жениться?» – подумал он, но всё же страхнул с себя сомнения. – Нет. Всё я делаю правильно. Верочка замечательная. Она искренняя, добрая, милая. Не то что лживая и надменная Катерина. А родители привыкнут. Просто сегодня Верочка вытила и стала на себя не похожа. А потом родители разберутся, что она очень хорошая, и полюбят её. Да, всё я делаю правильно».

Вадим помог невесте одеться. Но перед уходом она захотела обязательно попрощаться с его родителями. Как он ни уговаривал её быстрее пойти, а то уже на улице совсем темно, Верочка упрямо твердила:

– Вадимчик, это неприлично. Мама с папой на меня обидятся, если я с ними не попрощаюсь. Я быстро!

Вадим обречённо отпустил её руку, и она пошла по коридору, заглядывая во все комнаты, пока наконец не остановилась у закрытой двери. Подёргав ручку, но так и не открыв дверь, Верочка постучалась.

– Мама, папа, я уже ухожу. До свидания. Мне у вас очень понравилось. Хорошо так посидели, поели, выпили...

За дверью было молчание.

– Ну ладно, спите. Сон – хорошее средство от похмелья. Кстати, попробуйте тоже корвалол попить. Может, полегчает. Ладно, я пошла. До встречи, – Верочка в нерешительности потопталась у двери и добавила: – Кстати, мы с Вадимом приглашаем вас на нашу свадьбу.

Не зная, что ещё положено в таких случаях говорить, она пошла в прихожую. Там уже ждала Глаша. Она вручила девушке большой свёрток.

– Это тебе, деточка. Я завернула кое-что из продуктов. Кушай.

Верочка с благодарностью обняла простую добрую женщину.

– Спасибо тебе, вторая мама. Вот девчонки обрадуются! Кстати, мне так понравились ваши макароны! Как вы их готовите?

– Обыкновенно... – растерялась Глаша.

– Но почему они у нас такие вкусные не получаются? Может, вы в них что-нибудь добавляете?

– Нет, – удивлённо пожала плечами женщина. – Кроме сливочного масла, ничего.

– Масло? Сливочное масло? Надо запомнить, – обрадовалась Верочка, узнав главный секрет вкусных макарон.

Она поцеловала женщину, попрощалась и вышла с Вадимом из квартиры. А Глаша осталась стоять у двери, потрясённая тем, что целый день возилась у плиты, желая поразить невесту Вадима деликатесами, а той больше всего понравились обыкновенные макароны.

Верочка вышла из квартиры очень счастливая. Она улыбалась и тихонечко напевала мотив песенки из кинофильма «Неуловимые мстители». Вадим же хмурился и молчал. Они остановились перед дверью лифта и ждали, пока кабина со скрежетом доедет до их этажа.

– Прекрати петь, – раздражённо буркнул Вадим.

– Что с тобой, Вадимчик? Ты чего такой сердитый? Ведь всё было так замечательно!

– Замечательно?! Ты что, не понимаешь, что произошло?

– А что произошло?

Лифт подъехал, и они вошли в кабину. Вадим молчал, стараясь подавить в себе злость.

– Что произошло? – ещё раз спросила Верочка. Она не могла понять, из-за чего Вадим сердится.

Вадим не выдержал.

– Что-что! Да ты вела себя как последняя девка! Зачем ты напилась? Несла всякую чушь! Что ты на себя нацепила!

Вадим рванул полы пальто девушки, и пластмассовые пуговицы разлетелись в разные стороны. Верочка стояла потрясённая неожиданной вспышкой гнева любимого. Таким она его никогда не видела. Вадим хотел ещё крикнуть Верочке что-то обидное, но его взгляд остановился на её пышной груди, лишь чуть-чуть прикрытой тканью. Злость тут же улетучилась, и Вадимом вдруг овладело такое сильное желание, что он не удержался и стал целовать нежную кожу груди и шеи девушки. Машинально он нажал на кнопку «Стоп», и лифт остано-

вился между этажами. Верочка ничего не понимала, ведь только что он на неё кричал, а теперь целует! И если раньше она ему не позволяла никаких вольностей, то теперь, не желая его ещё больше злить и радуясь такому быстрому примирению, Верочка обняла Вадима. А он, не видя сопротивления, уже не мог остановиться. Нежно шепча: «Верочка... Верочка... Верочка», он стал ласкать её и полез под платье. Верочка была в шоке. Она понимала, что нельзя этого допускать, но её слабое: «Вадимчик, а может, не надо», он закрыл страстным поцелуем.

Когда тело пронзила острая боль, Верочка вскрикнула, но Вадим прикрыл ей рот ладонью. «Тише, милая моя, любимая, тише», – шептал он, целуя мокрые от закапавших слёз щеки. Дыхание Вадима становилось прерывистым, и вскоре из груди его вырвался еле сдерживаемый стон наслаждения.

Вадим привёл себя в порядок и с улыбкой посмотрел на Верочку.

– Ну что ты плачешь, глупыш? Ничего страшного не произошло. Я же люблю тебя, и мы скоро поженимся.

– Ты правда на мне женишься? – она посмотрела на него заплаканными глазами.

– Ну, конечно, Солнышко. Я очень тебя люблю. И мы поженимся, несмотря ни на что. Завтра же поедem подавать заявление.

– Правда? Ты меня не обманываешь?

– Слово офицера!

Верочка успокоилась и счастливо заулыбалась.

Ночью Верочка никак не могла уснуть.

«Как всё странно! Сегодня я стала женщиной. Правда, я думала, что всё будет совсем не так. Я представляла, что выйду замуж чистой и непорочной, а в первую брачную ночь я подойду к Вадиму в длинной белой кружевной ночнушке, и всё это произойдет на постели, украшенной цветами. Но всё получилось так неромантично. Зато я теперь совсем взрослая. Даже взрослее, чем эти соплюхи, которые спят как ни в чём не бывало. Ой какая же я счастливая! Я скоро стану женой! Я скоро буду хозяйкой в том красивом доме!»

А Вадима дома ждал неприятный разговор. Когда он вернулся, то постарался незаметно прошмыгнуть в свою комнату. Он надеялся, что отец с матерью уже уснули. Каково же было его удивление, когда он увидел родителей, сидящих в его комнате на диване.

– Чего это вы тут делаете? Вы же себя плохо чувствовали. Ложились бы спать.

– Вадим, нам надо поговорить, – начал отец.

– Уже поздно. Завтра поговорим, – попытался оттянуть этот разговор Вадим.

– Нет, сегодня.

– Я устал и хочу спать.

– Ничего, потерпишь, – начал злиться отец.

– Ну что вы ко мне пристали? – взорвался Вадим. – Всё равно эти разговоры ни к чему не приведут. Я женюсь на Верочке, хотите вы этого или нет. Это моя жизнь, и я сам буду ею распоряжаться.

– Вот именно твоя жизнь! – вмешалась мама. – Вадюша, этой свадьбой ты её загубишь! Ты пойми: у тебя впереди светлое будущее. С твоим образованием и с нашими связями тебя ожидает блестящая карьера! Ты в совершенстве знаешь три языка, тебя обязательно пошлют работать за границу. И кого ты туда с собой повезёшь? Кто вместе с тобой будет представлять нашу родину? Эта клоунесса с восьмиклассным образованием в интернате для олигофренов?

– Мама, интернат у неё был обыкновенный, а олигофренов отправляли в другой.

– Какая разница? Эти интернаты, где вместе живут и дебилы, и дети преступников, и дети врагов народа, ничему хорошему не научат. Кстати, а вдруг её родители были врагами

народа?! – мама побледнела. – Ты представляешь, что тогда твоей карьере конец! Тебя же никуда не выпустят!

– Мама, сейчас же не сталинское время. Те времена давно прошли. К тому же сколько печатали в газетах, что тогда многих репрессировали незаконно. Много погибло безвинных людей. Так что даже если её родителей и расстреляли, на это сейчас никто не будет смотреть.

– Вадим, – печально сказал отец, – ТАМ на это до сих пор смотрят.

– Вадюша, брось её, пока не поздно, – взмолилась мама.

– Уже поздно. Я её не брошу.

– Она беременна?! – ужаснулась мать.

– Нет. Но я ей дал слово офицера.

Родители переглянулись. Отец, как бывший военный, не знал, что на это возразить. Но мать нашлась.

– Слово, данное дочери врагов народа, можно нарушить.

– Мама, ну что ты упёрлась в то, что её родители были врагами? Может, они просто погибли? Или они её маленькую потеряли. Да мало ли что могло быть!

– Ох, сынок, сынок, – заплакала мать, – ну почему ты не выбрал себе невесту из нашего круга? Посмотри, какие красавицы вокруг, умницы, образованные, интеллигентные! Ну почему ты выбрал именно эту бескультурную, невежественную рыжую клоунессу, которая хвасталась, как она плевалась из макарон жёванной бумагой? А ты видел, как она ела гуся? Она вцепилась в него всеми десятью пальцами и грызла его как какая-то аборигенка из племени тумба-юмба!

– Мама, в нашем кругу таких, как Верочка, нет. У неё очень чистая и светлая душа. Она очень открытая, бесхитростная. А насчёт культуры и интеллигентности, так я её постепенно всему научу.

– Сынок, не надо думать, что ты, как Пигмалион, сможешь из уличной хабалки сделать светскую даму, – устало сказал отец. – Такое бывает только в книжках. Интеллигентность передаётся только по наследству. Она должна быть в крови. Даже если ты научишь её культурно есть и не сидеть за столом с сумкой, всё равно ты будешь краснеть на званых обедах, когда твоя жёнушка по чистоте своей душевной что-нибудь ляпнет. Сегодня тебе было стыдно перед нами. Но это можно пережить. Хуже будет, когда тебе придётся краснеть за неё перед другими людьми. Ладно, Анята, пойдём спать. Пусть он сам ещё раз всё взвесит. А я попробую через своих знакомых узнать, кем же были её родители.

Вадим тоже в эту ночь не мог долго заснуть. Верочка, несомненно, ему очень нравилась, он любил её. Но что если родители окажутся правы и ему постоянно придётся испытывать из-за неё чувство стыда и неловкости? *«Ладно. Всё равно назад пути уже нет, – решил Вадим. – Я женюсь на Верочке и постараюсь её перевоспитать».*

На следующий день, в субботу, Вадим с Верочкой подали заявление в загс. После этого они поехали в парк и катались на аттракционах, потом поужинали в кафе и до поздней ночи гуляли по притихшей Москве. Верочка была в этот день необыкновенно хорошенькой. Солнечные блики переливались в рыжих волосах, голубые глаза её светились счастьем, на щеках проступил яркий румянец. Она всё время улыбалась, нежно прижималась к руке Вадима и шептала ему на ухо: «Вадимка, я тебя очень-очень сильно люблю!» И тот, отбросив все свои сомнения, вместе с ней смеялся и дурачился.

Домой Вадим вернулся за полночь. Едва он вошёл в коридор, тут же из комнаты вышла мать.

– Вадюша! Какой кошмар! – с ходу начала она причитать. – Отец узнал, кто её родители!

– Ну и кто они? – равнодушно спросил Вадим. Он уже решил, что женится на Верочке в любом случае.

– Мать отказалась от неё ещё в роддоме. Она алкоголичка! Она умерла два года назад от белой горячки!!! А отца её никто не знает. Ты представляешь?

– Ну и что ты так переживаешь? Они же не враги народа. А на остальное наплевать.

– Как наплевать?!! Это же передаётся по наследству! Ты видел, как она пила? У неё тяга к алкоголю заложена в генах!

– Мама, всё это ерунда. Верочка раньше спиртное в рот не брала. Она мне рассказала, что просто девчонки из общежития посоветовали ей с помощью алкоголя снимать страх и неуверенность в себе.

– Так у неё ещё и подружки выпивохи?! Представляю, что из неё выйдет! Росла среди олигофренов и извращенцев, дружит с пьянчужками!

– Мама, ну что ты передёргиваешь факты?

– Ничего я не передёргиваю. А эти подружки из «общаги» её ещё чему-нибудь научат. Вот увидишь, она скоро пойдёт по рукам! Вадюша, кого ты хочешь привести в наш дом?!!

– Мама, прекрати! Я не хочу больше говорить на эту тему, – твёрдо сказал Вадим, глядя на мать из-под нахмуренных бровей. Он всегда так смотрел, когда кто-то ему перечил. – Мы подали сегодня заявление, и двенадцатого мая у нас будет свадьба. Хорошо, раз вы против Верочки, я её не приведу в ваш дом. Мы будем жить не здесь, а снимем квартиру. Всё. Я пошёл спать.

Вадим ушёл в свою комнату, а Анна Брониславовна осталась в растерянности стоять в коридоре.

Через два дня она сказала сыну трагическим голосом: «Хорошо, мы согласны. Живите здесь».

Начались приготовления к свадьбе. Вадим хотел обойтись скромным обедом в кругу друзей, но мать устроила целый скандал.

– Ага! Не успел жениться, а уже стесняешься показывать её людям?! Ну уж нет. Испей эту чашу до дна. Свадьба так свадьба. Будем отмечать в ресторане и пригласим всех, кого полагается. А уж твоё дело подготовить свою невесту так, чтобы она вела себя прилично и хотя бы научилась держать вилку с ножом.

Анна Брониславовна всем своим видом демонстрировала, что ради спокойствия в семье идёт на великие жертвы. Она даже посоветовала сыну, дабы избежать дальнейшего тлетворного влияния девиц из общаги, перевезти Верочку в свой дом ещё до свадьбы.

Проводы Верочки из общежития прошли очень торжественно. Почти все девчонки собрались в красном уголке за длинным столом. Накрывали на стол в складчину, кто что принесёт. В основном на столе стояла варёная картошка, кусочки селёдки, обложенные кольцами лука, квашеная капуста, ломтики сала и домашние заготовки, присланные заботливыми родителями из разных уголков Советского Союза. Ну и, конечно, через равные промежутки вдоль всего стола возвышались бутылки водки.

Первый тост произнесла комендант общежития. Говорила она долго о том, как здорово, что создаётся ещё одна ячейка социалистического общества, что надо жить и воспитывать будущих детей в духе строителей коммунизма, что Верочка хоть и не была передовицей производства, но всё равно работала неплохо и в благодарность за то, что завод воспитал и вырастил её, должна остаться на родном предприятии и своим трудом вдохновлять других на рабочий подвиг.

Пока звучала речь, девчонки с тоской посматривали на запотевшие бутылки и ждали, когда же закончится это занудство. А в конце речи, лишний раз убедившись, что комендантша

баба с «приветом», девчонки хором заорали: «Ура!!!» – и с удовольствием опустошили стаканы. За вечер было сказано немало тостов, но в основном все говорили, что рады за Верочку. Как здорово, что и в жизни бывают истории, похожие на сказку! Верочка – сирота, простая заводская девчонка – как Золушка, дождалась своего принца. И всё закончилось, как и в сказке, свадьбой, и скоро этот принц увезёт её в свою сказочную страну, где нет изнуряющего труда и матерящихся бригадиров, где не общая кухня с бегаящими тараканами и всего две душевые кабинки на сто двадцать человек, а отдельная квартира со всеми удобствами и большой ванной. Всё теперь в Верочкиной жизни будет прекрасно и возвышенно.

А когда комендантша наконец-то ушла, началось настоящее веселье. Девчонки, разгорячённые водкой, пустились в пляс. За неимением парней, которым не разрешалось находиться в общежитии, роль кавалеров исполняли все по очереди. При этом «кавалеры» позволяли себе всякие вольности, что вызывало дикий визг и хохот.

Верочку тоже заставили выпить хоть один стакан водки. Спиртное действовало на неё поразительно. Куда-то исчезала робость и стеснительность, она становилась уверенной в себе, смелой, общительной. Эта перемена самой Верочке очень нравилась, и она с удовольствием пригубляла водку снова и снова. В результате она совершенно опьянела, всё время хихикала и с трудом стояла на ногах. В комнату её пришлось сопровождать, чтобы она не завалилась где-нибудь в коридоре.

На следующий день за невестой и её пожитками приехал Вадим. Вещей у неё набралось всего-то один чемодан. Она собрала только одежду, благоразумно решив, что алюминиевые кастрюли и простенькие тарелки забирать с собой не следует. На прощание она подарила каждой подруге что-то из своих вещей. Инне досталось зеркальце в красивой металлической оправе, Зинке – плюшевый медвежонок, которого Верочке подарили на день рождения ребята из цеха, а Нине Верочка отдала томик стихов Маяковского, которого, честно говоря, сама не очень-то любила да и вообще не понимала.

Перед расставанием девчонки на дорожку присели на кровать. Все с трудом сдерживали слёзы.

– Верунь, а шо это твой Вадим раньше времени тебя забирает? – спросила рассудительная Нина. – Мы бы тебя на свадьбу собрали, причесали, накрасили. А то кто ж тебе будет помогать?

– Нин, мне Вадим сказал, что меня в парикмахерской причешут и покрасят, – ответила Верочка без особого энтузиазма.

– Ха! В парикмахерской! – усмехнулась Зинка. – Да наша Инна в тысячу раз лучше бы это сделала. Вон она в тот раз из тебя какую красотулю вылепила!

– То, конечно, Инночка лучше, – согласилась Верочка, – но Вадим так решил...

– Да и мы бы тебе здесь такие комсомольские проводы отгрохали! Всё бы украсили цветами, плакаты бы повесили: «Желаем счастья!», «Любите до гроба!» и всё такое прочее, – мечтала Зинка. – А перед дверью верёвку бы натянули и потребовали бы выкуп за тебя. Вот скажи, кто теперь тебя продавать будет? Что это за свадьба, когда невеста и жених из одной квартиры выходят?

– Да, так неправильно... Но Вадим так решил... – вздохнула Верочка. Она и сама жалела, что раньше времени переезжает к жениху. Жить в его доме, не будучи пока никем, – это как-то не по-людски. Но перечить Вадиму она не могла. – Он сказал, что меня многому учить надо. И будет удобнее, если я буду жить рядом.

– Чему это он тебя учить надумал? – усмехнулась Инна. – Этому и за одну брачную ночь можно выучиться.

– Инна, ты что говоришь?! – зашикали на неё девчонки.

– Вадим не такой! И Верочка не такая! Он, наверное, её будет танцам обучать, да, Верунь? Чтобы на свадьбе красиво танцевать, – догадалась Нина.

– Да, – промямлила Верочка, сама толком не зная, чему это её жених собрался обучать.
– А ты в одной комнате с Вадимом без посторонних раньше свадьбы не оставайся, – напутствовала Зинка, – а то мужики, знаешь, какие!

– Да он же её будущий муж. Им уже можно, – возразила Инна.

– Ничего ещё нельзя! – категорично заявила Зина. – Веруся, как порядочная комсомолка, должна предстать в загсе невинной. А то, что скажут родители?

Верочка при этих словах насмерть перепугалась. Действительно, что скажут родители, если вдруг узнают, что она уже согрешила с Вадимом?!

– Ну ладно, девчонки, я пошла, а то Вадим там заждался, – Верочка встала и направилась к выходу, но у самой двери обернулась и разрыдалась. – Девчоночки, милые мои, как же я буду без вас?

Подружки не смогли сдержаться, и вскоре вся комната наполнилась девичьим рёвом. Они подбежали к Верочке, обнялись и сквозь слёзы желали ей много-много счастья и просили их не забывать.

– Ой, Верунь, а как же мы узнаем, куда нам на свадьбу приходить? – вдруг вспомнила про главный нерешённый вопрос Инна.

– Девочки, я сама ещё не знаю, где будет свадьба, – вытирала слёзы Верочка. – Но как только всё решится, я вам обязательно скажу. Зинуль, а ты у меня будешь свидетельницей, ладно?

При этих словах Зинка радостно взвизгнула.

– Девчоночки, вы не обижайтесь, я бы вас всех в свидетели взяла, но положено только одну, – виновато пролепетала Верочка.

Подружки ещё раз обнялись, и Верочка ушла.

В доме Вадима встретили Верочку совсем не празднично. Анна Брониславовна молча показала комнату, где Верочка пока будет жить, и ушла. Это была комната домработницы Глаши, куда поставили раскладушку. Вадим приуныл. Он надеялся хоть изредка оставаться с невестой наедине и, может быть, заниматься с ней любовью. Но в доме под постоянным приглядом матери и Глаши этого не удастся сделать. Да и Верочка, как потом оказалось, когда они оставались вдвоем с Вадимом в какой-нибудь комнате хоть на пару минут, тут же вскакивала и шла туда, где есть кто-нибудь ещё из семьи. Она помнила совет Зинки, и хоть терять ей было уже нечего, но Верочка не хотела, чтобы родители Вадима заподозрили её в аморальности.

В общем, эти дни до свадьбы прошли для Вадима совершенно невыносимо. Обучать Верочку правилам этикета оказалось занятием довольно утомительным. Живя у чужих людей, Верочка была очень скованна, нерешительна, запугана, вечно всё путала, никак не могла запомнить элементарных вещей. Вадим много раз еле сдерживал раздражение, когда на следующий же день Верочка напрочь забывала всё, чему с таким трудом он обучил её вчера.

Но всё-таки времени до свадьбы было достаточно, и Верочка с грехом пополам освоила самые простые навыки, чтобы хотя бы на свадьбе не опозориться.

Мама Вадима относилась к Верочке подчёркнуто официально. Разговаривала она с девушкой только по необходимости. Иногда за весь день, кроме «Вера, идите обедать», Верочка не слышала от неё в свой адрес ни слова. Отец же относился к будущей невестке немного помягче, но он постоянно сидел в своём кабинете, и Верочка видела его редко. С завода она по настоянию Вадима уволилась, и поэтому, когда он был на работе, Верочка целыми днями бродила по чужой квартире, не зная, чем же заняться. Единственным развлечением были редкие разговоры с Глашей. Домработница относилась к ней хорошо, но времени на болтовню у неё не было. Помогать Глаше по хозяйству Верочке запретили. А жаль. Ей так хотелось быть хоть чем-то полезной, да и коротать время за каким-нибудь занятием было бы легче.

Анна Брониславовна свозила Верочку в специальное ателье для жён высокопоставленных работников. А там полная женщина со странным именем Фая сняла с девушки мерки. После этого Верочку усадили на диван, а будущая свекровь с портнихой стали выбирать ткань и обсуждать фасон платья. Верочка попробовала вставить реплику, что хотела бы платье с оборочками по низу, но Анна Брониславовна махнула на неё рукой, дескать, помалкивай, без тебя разберёмся. Верочка послушно замолчала.

Да, всё происходило совсем не так, как она себе когда-то это представляла.

День свадьбы приближался. Когда осталось всего пять дней, Верочка запаниковала. Ведь она не сказала ещё своим девчонкам, во сколько и куда им приходиться. Она спросила у Вадима, но он отмахнулся.

– Спроси у мамы. Она всем этим занимается.

Верочка постучалась в комнату свекрови.

– Кто там? – услышала она недовольный голос. – Я ещё сплю.

– Анна Бр... Брониславовна, это я, Вера, – как можно громче сказала Верочка, чтобы свекровь через закрытую дверь её услышала.

– Ну что ещё случилось?

– Да нет, ничего не случилось. Просто я хотела узнать, где у нас будет свадьба?

– В «Метрополе». Неужели нельзя было об этом спросить попозже? Я ведь сплю.

– Так ведь уже восемь часов, – оправдывалась Верочка. – Я думала, что вы проснулись.

Она отошла от двери, потрясённая тем, где будет проходить свадебный банкет. Верочка полчаса ходила по квартире и размышляла. В конце концов, не выдержав, она ещё раз постучалась к свекрови.

– Ну что ещё? – голос был ещё злее.

– Анна Брон...

– Что тебе ещё понадобилось? – перебила её Анна Брониславовна.

– Я хотела сказать, что, может, не надо в этом «Метрополе»? Может, лучше дома отпраздновать?

– О боже! – Анна Брониславовна села на кровати. – И где мы, по-твоему, в квартире разместим сто двадцать пять человек?

– Ну тогда можно у нас в общаге в красном уголке. Там и двести человек поместятся. Ага. Мы там всегда всеобщие пирушки проводим.

– И чем же твоя общага лучше «Метрополя», скажи, пожалуйста? – уже не скрывала Анна Брониславовна своей злости.

– Ну в «Метрополе» же много чужих людей, столы там негде поставить... – несчастным голосом лепетала Верочка, – и там шумно. Поезда же ездят.

– Где ездят поезда? – оторопела Анна Брониславовна.

– В «Метрополе».

– О боже! – простонала Анна Брониславовна. – «Метрополь» – это не метрополитен, а ресторан. Самый лучший в Москве, между прочим. Иди к Вадиму, пусть он тебе всё объясняет, а у меня уже сил нет.

– А, ресторан! – Верочка успокоилась и отошла от двери.

Она вспомнила, что ещё не спросила, во сколько подружкам подходить к загсу, но ещё раз беспокоить свекровь не решилась.

Она пошла к Вадиму, но тот куда-то собирался уходить.

– Ты куда? – расстроилась Верочка, что Вадим уходит без неё.

– Верунь, я забыл тебе сказать, что сегодня мы с друзьями собираемся, мальчишник устраиваем. Прощаюсь с холостяцкой жизнью, – Вадим поцеловал её. – А ты не скучай. Займись чем-нибудь.

– Чем? – Верочка старалась не подпускать слёзы к глазам. – Вадимка, пожалуйста, не уходи. Я так долго ждала выходных, когда ты целый день будешь со мной.

– Солнышко, я не могу остаться, ведь меня ждут. Я постараюсь там быть недолго. Ну, глупыш, не расстраивайся, я скоро приеду. А ты почитай пока или погуляй.

– А можно я к девчонкам своим съезжу?

– Ну ладно, съезди, тоже с ними попрощайся. Но только недолго там сиди.

Верочка улыбнулась. Она проводила его до лифта, и только когда кабина закрылась и лифт поехал, Верочка вспомнила, что забыла спросить про загс.

– Вадим! – закричала она в лифтовую шахту. – А во сколько мы в загс приедем?

– В одиннадцать, – слышалось снизу.

Подружки, увидев Верочку, завизжали от радости. Они кинулись к ней, облепив девушку со всех сторон.

– Ой, Веруня! Наконец-то пришла. Ой, а какое на тебе пальто! – закружила Верочку Зинка. – Вадим купил?

– Нет, свекровь.

– Ух ты! Красивое! – стала рассматривать вещь со всех сторон Инна, даже заглянула, какая подкладка и глубокие ли карманы. – А в каком магазине такие продаются? Мы тоже туда поедем и купим.

– Я не знаю. Нам его домой привезли. И ещё пять платьев, две юбки и две блузки, – как бы нехотя перечисляла Верочка, а у самой глаза сверкали от гордости.

– Домой? Ха! Значит, надёванное, – успокоила свою зависть Инна. – Кому-то разонравилось, вот тебе и продали.

– Совсем не надёванное, – обиделась Верочка. В кои-то веки у неё появилась красивая одежда, а её позорят. – Свекровь в каком-то магазине заказала, и там по моим меркам всё подобрали и привезли. А ещё мне купили туфли!

– Ладно, шо мы всё о шмотках говорим, – перебила Нина. – Верочка, расскажи лучше, как тебе там живётся.

Девчонки усадили Верочку на стул, а сами сели рядом на кровать, как в театральную ложу, и приготовились слушать о сказочной жизни.

– Нормально, – ответила Вера, не желая рассказывать, как тоскливо и неудобно ей в чужом доме.

– Нормально?! И это всё, что ты хочешь нам сказать?! – возмутилась Зинка. – Ты первая из нас ушла жить к мужчине, тем более в такую богатую семью. Столько времени от тебя ни слуху ни духу! Мы тут голову ломаем, как ты там. Небось, думаем, от счастья совсем о нас забыла. А ты являешься и брякаешь только, что живёшь нормально. Ну уж нет. Рассказывай всё подробно.

– Ну, – начала Верочка, толком не зная, что говорить. Разочаровывать девчонок не хотелось, поэтому она решила немного приврать. – Живу я там очень хорошо. У меня отдельная комната с кроватью, шкафом и даже с большим зеркалом на тумбочке. Вот. Домработница есть. Глаша. Она всё-всё делает.

– Ух ты! Здорово! – хором вздохнули девчонки.

– А ты чем занимаешься? – спросила строгая Нина.

– Я? Ну книжки читаю, в кино хожу, гуляю... Учусь, – брякнула Верочка, чтобы не выглядеть перед подружками законченной лентяйкой. И тут же покраснела. Хорошо, что девчонки не обратили на это внимания.

– А чему учишься?

– Ну, наукам всяким, – важно произнесла Верочка, в душе холодея от мысли, что сейчас начнут докапываться, а она не сможет подробно рассказать.

– Зачем? – удивилась Инна.

– Шоб умной быть, – пояснила Нина, – як они.

– И для этого тебя раньше времени забрали?! – усмехнулась Инна. – Да, эти интеллигенты совсем свихнулись на своей науке. Они тебя учёбой извести хотят! Ну уж нет, лучше я выйду замуж за простого работягу, чем целыми днями придётся учебники зубрить! Мне это занудство уже в школе осточертело! Слышь, Вер, да пошли ты их с этой учёбой! Где это видано, чтобы насильно учиться заставляли?

– Не слушай её, Верочка. Учиться обязательно надо. Ты молодец! – одобрила Нина. – А як его родители? Не шибко строгие? Як они к тебе относятся?

– Обожают! – сказала Верочка, решив, что если врать, так врать до конца. Чего мелочиться-то?

– Хорошо, – одобрила Нина. – А як ты там питаешься? Кормят нормально?

– Как в ресторане! Меня от ихних шницелей, фрикасей, башмаков, тьфу ты, форшмаков и всяких там деликатесов уже тошнит. Мясо каждый день трескаем, а то и по три раза в день! Иногда даже скучаю по нашей варёной картошечке с селёдкой.

– Ух ты! Здорово! – опять вздохнули девчонки.

– А чего к нам-то не приезжала? – обиженно спросила Инна. – Мы всё-таки столько для тебя сделали, а ты тут же про нас забыла.

– Девочки, миленькие, простите, но я не могла. Я же каждый день учусь, – врала Верочка. На самом деле её не отпускала свекровь, говоря, что пока она за неё в ответе, Верочке не пристало одной неизвестно где шастать, что в гости она должна ходить только с Вадимом. Спорить, а тем более возражать ей девушка боялась, поэтому подчинилась, надеясь, что после свадьбы всё изменится.

– А сегодня ты тоже учишься?

– Ну да, – пришлось сказать Верочке.

– Тогда нечего с нами лясы точить. А то опоздаешь на урок, – строго сказала Нина. – Собирайся домой.

– Как домой?! – разочарованно воскликнули Зинка с Инной.

– Так. Нечего из-за нас уроки пропускать. Успеем ещё поболтать на свадьбе. Всё, Верочка, иди.

Верочка растерянно смотрела на подруг. Да, врать плохо, это она всегда знала. Вот сейчас из-за своего вранья она вынуждена вернуться в унылый чужой дом вместо того, чтобы веселиться с девчонками. Верочка встала и нехотя направилась к двери.

– А про свадьбу-то ты ничего не сказала! – вовремя вспомнила Зинка. – Я же твоя свидетельница. Во сколько приходить и куда?

– К одиннадцати в загс. А сама свадьба будет в «Метрополе».

– В метро? – поразились Зинка с Ниной.

– Эх вы, клуши! Столько здесь живёте, а не знаете. «Метрополь» – это не метро, а ресторан. Самый лучший в Москве! – важно сказала Верочка.

– А где он находится? – спросила Зинка. – Где нам его искать?

– У любого спросите, вам покажут, – быстро сообразила Верочка. – Объяснять слишком долго. Ну ладно, я пошла, а то на урок опаздываю.

Девушка вышла из общежития и уныло поплелась в свой новый дом, где она обязательно постарается жить счастливо.

Вот и наступил день свадьбы. Утром к Анне Брониславовне приехали из парикмахерской четыре женщины, две из которых занялись Верочкой. Одна стала делать ей замысловатую причёску, а другая наложила лёгкий макияж. Верочка чувствовала себя механической куклой, подчиняясь приказаниям: «Иди сюда... наклони голову... держи полотенце... садись... поверни голову... посмотри наверх... закрой глаза...» Она послушно всё выполняла, и в результате через полтора часа посередине комнаты стояла хорошенькая принцесса в облегающем атласном платье. На руки ей надели гипюровые перчатки, а голову украсили диадемой, к которой прикреплялась короткая кружевная фата. Но больше всего Верочке понравились туфельки. Они были очень изящные: лаковые, на высокой тонкой шпильке, украшенные двумя перламутровыми бантиками. Верочка даже вечером перед свадьбой поставила их на тумбочку рядом с раскладушкой и долго не могла заснуть, любуясь своим сокровищем.

Женщины отошли к двери, оценивая девушку со стороны.

– Золушка на своём первом балу, да и только! – улыбаясь, сказала одна.

– Ох, точно, как Золушка! Такой хорошенькой невесты давно не видела, – вторила ей другая.

После этого каждый, кто входил в комнату, выражал своё восхищение. Даже свекровь довольно хмыкнула.

– Вот теперь не стыдно и гостям показать, – сказала она.

Сама Анна Брониславовна выглядела как царица в своём длинном зелёном бархатном платье, украшенном золотой вышивкой.

Верочка счастливо заулыбалась. Больше всего ей хотелось угодить строгой свекрови. Последним в комнату пустили Вадима. Тот восхищённо оглядел свою любимую, подошёл и поцеловал ей руку. Все, кроме свекрови, радостно захлопали.

– Ну всё, пора выходить, а то опоздаем, – приказала она. – Николай Ефимович, машины уже подъехали?

– Да, Аня, они уже давно ждут.

– Ну тогда поехали.

– Подождите! – вдруг сказала первое за всё утро слово Верочка.

– Что ещё? – удивлённо обернулась свекровь.

– Так ведь Глаша ещё не готова. Она до сих пор в своём халате и в фартуке ходит.

Свекровь со вздохом закатила глаза, демонстрируя, что невестка, как всегда, сказала какую-то чушь.

– Поехали, – повторила Анна Брониславовна, и все пошли к лифту.

– Глаша остаётся, – объяснил Вадим, – она не может быть с нами в ресторане. А когда мы приедем, мы потом вместе с ней попьем чай с тортом. Хорошо?

– Ну ладно, хотя это не по-человечески. Ведь Глаша твоя вторая мама. Она должна быть с нами...

– Понимаешь, Глаша сама не хочет идти... Она в рестораны не ходит. К тому же там будут очень важные гости. Глаша будет чувствовать себя там неловко.

Перед тем как сесть в машину, Анна Брониславовна подозвала сына.

– Вадим, объясни Вере, чтобы она на свадьбе лучше помалкивала. А то сам понимаешь, скажет ещё чего-нибудь... А там будут такие люди! Сам Фёдор Николаевич приедет! Да и Виктор Сергеевич с Ириной Леонидовной и с Катенькой будут.

– А Катя-то с родителями зачем придут? Кто их пригласил? – возмутился Вадим.

– Я. Они нам не чужие. Столько лет общаемся! А насчёт Кати, так ты же говорил, что у тебя к ней всё уже прошло. Так какая тебе разница, будет она или нет?

– Никакой, – сказал Вадим слишком поспешно. – Мне это безразлично.

– Да, и научи Веру наконец правильно произносить моё отчество. Я не Бронтозавровна какая-то. Это элементарное неуважение ко мне.

– Ладно, я Верочке всё объясню. Поехали.

Он быстро сел в машину и слишком громко хлопнул дверью. Анна Брониславовна удивлённо подняла брови и на минуту задумалась.

Пока ехали к загсу, Вадим молча смотрел в окно. Известие о том, что Катя будет на свадьбе, его сильно разозлило. Он не хотел её видеть. Слишком сильно он когда-то её любил, и слишком больно она его обидела. Её предательство он переживал очень тяжело...

В тот день они с Катериной должны были встретиться, но она позвонила и сказала, что не сможет приехать, так как надо в институте подготовиться к докладу. Вадим, чтобы не скучать, решил сходить в кино. Тем более он узнал, что в Доме кино будут показывать интересный американский фильм. Всего один сеанс, на который невозможно достать билеты. Но у Вадима был друг, который мог достать хоть Луну с неба. И вот, они с этим другом сидят в зале кинотеатра в ожидании начала фильма, как вдруг Вадим видит, что впереди, через два ряда от них, сидит Катя с каким-то парнем. Причём этот парень положил свою руку на спинку кресла девушки, как бы обнимая, и что-то нашептывает ей на ушко. Вадим встал, подошёл к ним, постарался усмехнуться и зло бросил Кате: «Не слишком ли здесь будет темно, чтобы доклад писать?» После этого он вышел из зала.

Катерина побежала за ним и оправдывалась тем, что этот парень должен был ей помочь написать доклад, поэтому в благодарность она согласилась сходить с ним в кино. «А чем ты будешь расплачиваться, если кто-то тебе предложит помочь написать диплом?» – выкрикнул Вадим и уехал на машине. С тех пор они не виделись. Катя часто звонила, плакала, но он бросал трубку, не желая прощать предательницу.

Вадим очень долго переживал, не мог забыть её. Но потом он повстречал Верочку.

Это было 1 мая после демонстрации. Весёлая разукрашенная толпа с шариками, бумажными цветами и транспарантами шла с Красной площади. Вадим с другом, поддавшись всеобщему веселью, тоже от души дурачились и смеялись. «Посмотри, посмотри целых три солнца с одной тучей! Вот умора!» – громко захохотал друг и показал пальцем в середину толпы. Вадим увидел забавную четвёрку девушек. Высокая толстая девица гордо несла палку с картонным облаком, на котором красными буквами было написано «да здравствует», рядом с ней шли три девушки с транспарантами в виде оранжевых солнц: худенькая пигалица с солнцем, на котором красными буквами написано «мир», потом красивая блондинка с солнцем «труд», а завершала четвёрку рыженькая очаровательная девушка с солнцем «май!».

– О! Какое чудо! – улыбнулся Вадим.

– Да, «Труд» очень даже ничего, – согласился приятель.

– Да нет, посмотри на «Май». Правда, она восхитительна?! – Вадим устремился в гущу толпы и еле протиснулся к девушкам. – Солнышко «Май», посвети и мне. А то я тоскую в темноте и холоде.

Девушка остановилась и смущённо улыбнулась. Она действительно сама была похожа на оранжевое солнышко: рыжие вьющиеся волосы, лучистые голубые большие глаза, очаровательные веснушки на румяных щёчках и очень милая улыбка. На неё невозможно было смотреть не улыбаясь в ответ.

– Всем светить – лучей не хватит, – надменно произнесла нараспев «Труд». – Пошли, Вер.

– Так, значит, Солнышко, вас Верой зовут? А меня Вадим. А хотите, я ваши лучики немного остужу? Пойдём в кафе-мороженое?

– Пойдём, – приветливо улыбнувшись, согласилась Верочка.

Вадима поразила простота девушки. Катерина на её месте сначала бы изобразила раздумье, потом бы немного поиздевалась над парнем, а уж только после этого согласилась. Она всегда давала понять, что делает великое одолжение, когда соглашается осчастливить кого-то своим присутствием...

Так Вадим и познакомился с Верочкой. Она его покорила своим детским очарованием и искренностью. Он тут же позабыл про Катю. На фоне Верочки Катя ему уже казалась насквозь фальшивым манекеном...

И вот теперь ему предстояло вновь увидеть Катерину. *«Ну почему именно сегодня? Зачем портить мне такой день?»* – недовольно думал Вадим, толком не понимая, из-за чего он не хочет видеть бывшую возлюбленную: из-за ненависти или из-за страха, что всё-таки в глубине души могла остаться любовь к ней.

Тяжёлые раздумья прервало тепло Верочкиной ладошки. Она положила свою руку на его ладонь и прошептала:

– Ты тоже боишься?

Вадим посмотрел в её лучистые глаза, и на душе его вдруг стало так легко. Он обнял Верочку и поцеловал.

– Не бойся. Я с тобой, моё Солнышко. Всё у нас будет прекрасно, вот увидишь.

– Как в сказке, да? – засмеялась Верочка. – «Они жили долго и счастливо и умерли в один день».

– Непременно, – Вадим тоже засмеялся. – А сейчас у нас будет пир на весь мир. Так чего же ты переживаешь?

– Я как раз этого пира и боюсь. Там будет столько чужих людей! И они все будут на нас с тобой смотреть. Мне от этого как-то не по себе становится.

– Ничего страшного. Я же тебя научил, как себя вести. Самое главное, постарайся не бояться, а то у тебя всё будет валиться из рук. Да, и вот ещё что: поменьше с чужими разговаривай. А то ты очень открытая, доверчивая, а люди этого не понимают. Они совсем из другого круга, и им твоя искренность будет просто смешна. Договорились?

– Хорошо. Я буду нема как рыба, – нисколько не обидевшись, сказала Верочка.

– Вот и хорошо. Рыбка ты моя золотая, принеси мне на своём хвостике счастья, – попытался Вадим шуткой скрасить неприятный разговор.

– С удовольствием! Я выполню любые твои желания. Но всего три, – улыбнулась Верочка. – Да, но только не проси сделать тебя морским владыкой, чтобы я у тебя бегала на побегушках, а то останешься у разбитого корыта.

– Хорошо. Первое моё желание: поцеловать тебя.

– И всего-то? Пожалуйста, – Верочка с готовностью подставила свои губки. – А второе желание?

– Второе? Теперь я хочу, чтобы ты меня поцеловала.

И это желание Верочка выполнила с удовольствием.

– А третье?

– А третье желание я тебе скажу сегодня ночью, – прошептал ей Вадим на ушко, отчего Верочка совсем смутилась. Кровь прилила к её щекам, и какое-то незнакомое доселе ощущение где-то в глубине организма разлилось приятной волной.

Но тут машина остановилась, Верочка выглянула в окно и ужаснулась. Это был совсем другой загс!

– Вадимка! Нас не туда привезли. Они всё перепутали! – запаниковала она.

– Ничего не перепутали. Мать перенесла наше заявление в этот загс. Разве она тебе этого не сказала?

– Нет, не говорила. Но зачем она это сделала?!

– Тот загс показался ей слишком простым, а этот Грибоедовский – самый лучший в Москве. Я не стал с ней спорить, пусть делает что хочет, лишь бы не ворчала.

– Но почему мне об этом не сказали?

– Верунь, я думал, что вы с матерью обо всём договорились. Ты же знаешь, я не лез в эти приготовления.

– Но как же так?! Ведь мои девчонки сейчас стоят там и ждут меня! А Зинка ведь моя свидетельница, как же без неё нас распишут?

Слёзы подкатили к глазам девушки, губы её задрожали. Верочка еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

– Солнышко, ну не переживай ты так, – пытался успокоить её Вадим, – свидетельницу мы тебе найдём, вон сколько гостей сюда приехало. А девчонки к ресторану подойдут. Мы им объясним, что вышло недоразумение. Я думаю, они тебя простят. Давай не будем из-за таких мелочей портить наш праздник. Вытри слёзы, а то гости подумают, что ты не хочешь за меня замуж, поэтому и рыдаешь.

Верочка попыталась успокоиться, но настроение её было испорчено. В свидетельницы ей дали какую-то тётку, от которой так пахло терпкими духами, что стоять рядом с ней было просто невыносимо.

Пока шла церемония, Верочка стояла с несчастными глазами, представляя, как девчонки носятся по загсу, ищут её и переживают, что она опоздала. Верочка в уме всё придумывала слова для оправдания. А вышла она из раздумий лишь тогда, когда услышала:

– А теперь обменяйтесь кольцами!

Она посмотрела в глаза Вадима, тот ей подмигнул, и Верочка наконец-то улыбнулась. Действительно, не стоит из-за всяких недоразумений портить самый главный в жизни праздник.

В ресторане Верочка среди многочисленных гостей пыталась отыскать своих друзей, но их нигде не было. *«Наверное, в загсе ещё ждут, думают, что мы просто опоздали»*, – решила она.

Верочка с Вадимом и его родителями стояли, наверное, около часа, пока все гости по очереди подходили к ним, говорили одинаковые слова, вручали невесте букет, а жениху коробку с подарком. Свекровь со свёкром тут же всё забирали и складывали цветы на стол, а коробки на пол. Скоро образовалась внушительная гора цветов и коробок, а очередь поздравляющих всё тянулась. Верочка устала стоять как истукан, искусственно улыбаться, выслушивать одни и те же речи. Она старалась, как её учил Вадим, отвечать односложно: «Да... нет... спасибо...»

В числе последних к ним подошла очень красивая девушка в сопровождении своих родителей. Судя по тому, как Вадим непроизвольно сжал Верочкину ладонь, а Анна Брониславовна расплылась в улыбке, это были их очень хорошие знакомые.

– Катенька! Виктор Сергеевич! Ирина Леонидовна! Как мы рады вас видеть! – заворковала свекровь.

Верочка восхищённо смотрела на красавицу. Высокая, с поразительно тонкой талией, нежной кожей и утончёнными чертами лица в обрамлении каштановых волос, Катя была похожа на фарфоровую статуэтку. Каждое её движение, каждый жест красивых рук с длинными ноготками, каждый поворот головы были настолько грациозны, что, казалось, всё это репетировалось перед зеркалом не один день. Вот она чуть наклонила голову, взмахнула пушистыми ресницами, на губах заиграла полуулыбка, глаза сверкнули на Вадима карими огоньками.

– Поздравляю! – нежным голосом произнесла красавица и протянула руку для пожатия. – Твоя жена очень мила.

Рука Вадима от прикосновения её ладони задрожала. Он сухо ответил: «Спасибо», – и, обняв одной рукой Верочку, поцеловал её в щёку.

– Ты не устала? Потерпи ещё немного. Скоро сядем за стол, – обращаясь к жене, Вадим дал понять Кате, что разговор на этом закончен.

Красавица грустно усмехнулась и отошла. Верочка с беспокойством посмотрела на мужа. Она почувствовала, что у него с той девушкой какие-то сложные отношения.

– Кто она такая? – шёпотом спросила она.

– Да так, дочь маминых знакомых, – постарался сказать как можно равнодушнее Вадим, – жуткая выпендюха.

Верочка успокоилась. Она с нетерпением ждала, когда же поздравления закончатся, потому что очень устала. Она никогда раньше не ходила в туфлях на таких высоких каблуках, и теперь ноги её жутко болели.

Наконец-то отошёл последний поздравляющий. Но все за стол почему-то не сели, а стояли небольшими группами и переговаривались между собой. Как выяснилось, не было самого главного гостя, какого-то Фёдора Николаевича.

Верочка с беспокойством поглядывала на дверь. Ну когда же девчонки приедут? А вдруг они не найдут этот «Метрополь»?!

Свекровь переходила от одной группы людей к другой, перебрасываясь положенными этикетом фразами: «Семён Иванович! Как самочувствие вашей матери?.. Елена Григорьевна! Ваш сын поступил в институт? Поздравляю!.. Клавдия Борисовна! Как ваши внуки? Уже в школе учатся? Ну надо же, как время летит!» На самом деле ей было безразлично, как учатся чьи-то внуки, куда поступил оболтус Синицыных и не померла ли ещё старуха Щербаковых. Но это считалось хорошим тоном, поэтому Анна Брониславовна изображала большое внимание, выслушивая пространные ответы гостей.

Наконец, она подошла к Катерине и её родителям.

– Виктор Сергеевич! Ирина Леонидовна! Катенька! Спасибо, что пришли. Если бы вас не было, мне бы было ещё тяжелее всё это пережить.

– Ну что вы, Анна Брониславовна, как мы могли не прийти? Мы же за эти годы стали почти родными, – пробасил Виктор Сергеевич. – А почему вы грустите? Радоваться же надо – сына жените.

– Ах, Виктор Сергеевич! Чему тут радоваться? Вот если бы моей невесткой стала Катенька, вот тогда была бы радость. А так, лишь бы не разрыдаться на свадьбе, и то было бы хорошо.

Анна Брониславовна достала платок и смахнула слезу.

– Перестаньте, не хороните же вы его. А на остальное махните рукой. Всё в этой жизни не вечно. Женитьба – это ведь не пожизненное заключение. Можно попасть под амнистию и оказаться на свободе, – Виктор Сергеевич громогласно рассмеялся собственной шутке.

– А вдруг Вадюша не захочет на свободу? Посмотрите, как она в него вцепилась! Прямо приворожила парня.

– Надо помочь, – многозначительно сказал Виктор Сергеевич. – Как заморозили, так и разморозить можно. Потихоньку, шаг за шагом, капля за каплей. Вода ведь и камень точит. Правильно я говорю, Катерина?

Девушка улыбнулась, но промолчала.

– Чего молчишь? Дома ведь все подушки слезами промочила. Горе с вами, молодыми, – нахмурился её отец.

– Ну, папа! – разгневалась Катя и отошла от них.

– Переживает, – со вздохом сказал Виктор Сергеевич, – только Вадима, говорит, люблю. Больше никто не нужен. Ну что тут будешь делать?

Теперь слёзы вытирала Ирина Леонидовна, мама Кати. Всю жизнь она прожила тихой бессловесной мышкой при грозном начальственном муже. Дочь была её единственной радостью в жизни. И проблемы Катеньки она воспринимала как вселенскую трагедию.

Анна Брониславовна обняла Ирину Леонидовну. Теперь ей не надо было изображать сочувствие. Она действительно понимала горе матери, видящей страдания своего ребёнка.

– Ладно, хватит мокроту разводить, – проворчал Виктор Сергеевич. – Вы, Анна Брониславовна, женщина умная. Я думаю, всё сможете исправить. А если что, то и мы поможем. Счастье детей – вот главная цель нашей борьбы. Проведём рекогносцировку, узнаем слабые стороны противника, внедрим своего агента и заставим врага совершать ошибки, – заговорщики произнёс генерал, жестикую руками. – Так что, я думаю, через полгода противник будет разоблачён и повержен.

Женщины завороченно смотрели на его руки, толком не понимая, о чём это он говорит. Анна Брониславовна с опаской посмотрела на Виктора Сергеевича.

«Уж не спятил ли генерал? Про какую-то борьбу, рекогносцировку, про каких-то агентов заговорил! Может, ему, как и моему мужу, пора на пенсию? Эх, как быстро стареют наши мужчины...»

Сказав: «Да-да, конечно», Анна Брониславовна отошла от них. Воевать с женой сына она не собиралась, считая, что сделано, то сделано. От этой клоунессы теперь никак не избавишься.

Увидев, что Катерина стоит в стороне от всех и печально смотрит в окно, Анна Брониславовна направилась к ней.

– Катюша, девочка моя, не грусти. Пойдём, я тебя с молодёжью познакомлю.

– А я не грущу. Я просто разглядываю клумбу, которая пришла в гости к вашему цветочку, – с усмешкой сказала Катерина и отошла от окна.

«И она, что ли, спятила от горя?» – ужаснулась Анна Брониславовна, но, поглядев в окно, увидела трёх странных девушек, которые с трудом тащили картонную коробку, перевязанную бантом. Одеты они были в вязкие платья, на которые были нашиты маленькие искусственные ромашки. Такие же ромашки были воткнуты в их очень пышные причёски. Особенно комично в этом наряде смотрелись здоровая пышногрудая девица и идущая рядом с ней маленькая худышка. Поняв смысл Катиних слов про клумбу и цветочек, Анна Брониславовна быстрым шагом направилась к невестке.

– Вера, ты мне срочно нужна, – проговорила свекровь, взяв девушку за руку и уводя к лестнице.

Как только они оказались в холле, свекровь повернулась к Верочке и строго спросила:

– Вера, ты действительно любишь Вадима?

– Ну да, – растерянно произнесла Верочка, – люблю! Очень сильно люблю!!!

– И ты готова ради него пойти на любые жертвы?

– Конечно, – уверенно произнесла Верочка, всё ещё не понимая, для чего свекровь завела этот разговор, – я могу ради Вадима даже с жизнью расстаться!

– Ну жизнь твоя никому не нужна. А вот с подружками тебе придётся расстаться. Ты же неглупая девушка и видишь, в какое общество ты попала. Здесь совсем другие люди, и они допускают в свой круг только избранных. Тебе посчастливилось попасть к нам. Мы приняли тебя, и теперь ты одна из нас. Но твои подруги... – наседали свекровь на ошарашенную Верочку. – В этом зале находятся люди, от которых зависит карьера Вадима. Его могут послать работать в другую страну. Он давно об этом мечтал. Но туда берут только самых лучших, с незапятнанной репутацией, самых образованных, самых интеллигентных. Проверяют не только родословную этого человека, но и его родственников и друзей. Поэтому так важно

продемонстрировать сейчас гостям, что у Вадима безупречный вкус, что у него интеллигентная жена и достойные друзья. Тебя мы обучили, и надеюсь, ты нас не подведёшь. А вот твои подружки всё испортят. Они, конечно, хорошие девушки, но слишком необразованные. К тому же посмотри, как безвкусно они одеты да и манерами не блещут. Ты сама понимаешь, что ни за столом они не смогут подобающе себя вести, ни разговор поддержать. А вдруг они что-нибудь ляпнут такое, от чего нам всем придётся краснеть? Поэтому, Вера, сейчас ты должна выбрать, что для тебя дороже: счастье Вадима или дружба с какими-то общежитскими девчонками.

Анна Брониславовна посмотрела на невестку, но та лишь хлопала испуганными глазами.

– Ну? Что ты молчишь? Ты хочешь загубить карьеру своего мужа?

Верочка отрицательно замотала головой.

– Тогда пойдём. Сейчас ты скажешь этим девушкам, что между вами больше не может быть никаких отношений.

Свекровь опять взяла Верочку за руку и повела за собой. Они спустились по лестнице на первый этаж.

Уже из холла слышался возмущённый голос девчонок, которые возле входа ругались со швейцаром. Увидев через стеклянную дверь подругу, девчонки заулыбались и радостно замахали руками. Верочка с Анной Брониславовной вышли на улицу.

Девчонки тут же загалдели.

– Ой, Верунь, мы так испереживались! Сначала мы, наверное, загс перепутали. Мы там тебя целый час прождали, у всех спрашивали, когда же вас будут женить, а потом, когда какая-то тётка нам в конце концов сказала, что вы не тут расписываетесь, Нинка её чуть не прибила. Потом мы никак этот «Метрополитен» не могли найти. Да ещё подарок такой тяжёлый, мы его по всем метро таскали, все руки онемели. Это тебе, Верунь, столовый сервиз. Белый в зелёный горошек! Обалденно красивый! Просто охренеть! Там много-много всего! Мы еле его допёрли. А теперь этот придурочный нас не пускает. Говорит, что нас в списках гостей нет. Вер, скажи ему, что мы самые главные гости.

Девчонки и свекровь посмотрели на Верочку, но та молчала, опустив глаза.

– Ну что же ты, Вера, скажи им, – наседала Анна Брониславовна. Но потом, увидев, что от невестки ничего не добьёшься, сама заговорила: – Девушки, Вера хотела вам сказать, что благодарит за подарок, но пригласить вас на свадьбу не может, так как все места за столом уже заняты.

– Неужели в этом «Метрополитене» стульев мало? А ещё сказали, что самый лучший ресторан. Ничего, мы сейчас по подсобкам поищем, наверняка где-нибудь табуретки стоят, – простодушно ответила Нина.

– Ещё Вера хочет вам сказать, – продолжала свекровь, – что она теперь замужняя женщина, что у неё не будет времени на подруг и лучше будет, если вы сейчас же расстанетесь.

Все опять посмотрели на Верочку. Но она лишь опустила голову ещё ниже.

– Чёй-то я не врубилась, – начала Зинка, – чёй-то нам тут эта зелёная тётенька втолковывает? Верунь, ну-ка переведи с подлого языка на нашенский. Ну что ты молчишь? Ты нам что, от ворот поворот делаешь? Мы теперь тебе без надобности? Да? Интересно, на что это ты будешь своё драгоценное время тратить, коль на нас у тебя его не остаётся? На эту хренову учёбу? Да, Вер? Ну-ну, смотри, как бы у тебя заворот мозгов не произошёл, а то ты и так не шибко умная, а можешь вообще стать дура душой. Ну что ж, прощай. Ешь супчик из наших тарелочек и тётеньку свою зелёную угощай. А мы теперь тебе больше не подружки! Пошли, девочки. Нечего нам больше с этой предательницей разговаривать.

Зинка схватила за руки подруг и потащила их прочь от ресторана. А Анна Брониславовна увела Верочку. Коробку свекровь поднять не смогла и попросила швейцара занести сервиз и поставить где-нибудь.

– Я буду зорко следить, чтобы не украли, – пообещал швейцар в надежде на вознаграждение.

– Не утруждайтесь, наверняка там какая-нибудь безвкусица, – усмехнулась Анна Брониславовна, – если и пропадёт, то невелика потеря.

Как только за Верочкой со свекровью захлопнулась дверь, Зинка с Нинкой разрыдались. Только Инна спокойно пережила предательство подруги.

– Ну что вы нюни распустили? На нас же смотрят!

– Как она м-м-могла? – всхлипывая, бормотала Зина. – К-к-как она могла?!

– Мы так готовились, – высмаркивая нос, жаловалась Нина. – Ты платья на нас шила, я у цветов бутоны отрезала, а Зинка целый вечер их пришивала на платья. Между прочим, пластмассовые стебли трудно режутся. Вон у меня мозоли на пальцах от ножниц. И шо? Всё зря? Не ожидала я, шо Верочка такой предательницей окажется. Я бы никогда так не поступила!

– Поступила бы, – уверенно произнесла Инна. – И ты бы так поступила, и я, и Зинка. Если бы нам пришлось выбирать между любовью и дружбой, мы бы тоже выбрали любовь.

– Нет! – с горячностью возразила Зинка. – Я бы вас никогда и ни за что не предала! Пусть катится такая любовь в тартарары, но дружба – это святое!

– Ну и дура, – усмехнулась Инна.

– Я дура?! А ты... ты такая же подлая, как и Верка! Вот мы тебя и раскусили. Ты тоже нас можешь запросто бросить! Пошли, Нин, отседова. Только ты меня никогда не предашь.

Зинка попыталась взять под руку Нину. Для этого ей пришлось встать на носочки. И так они и пошли прочь, демонстрируя потенциальной предательнице, что существует ещё на свете крепкая дружба.

А Инна не собиралась уходить. Она понимала, что там, на Верочкиной свадьбе, собралась элита Москвы. И это единственный шанс подцепить выгодного жениха. Но как туда проникнуть? Швейцар теперь точно не пропустит.

Инна остановилась у дверей, размышляя, что бы такое придумать, чтобы отвлечь этого кретина и прошмыгнуть в ресторан.

– Девушка, разрешите пройти, – послышалось со спины.

Инна обернулась и оглядела долговязого парня. Внешность у него была довольно невзрачная. Худое лицо с крупным носом, тонкими бесформенными губами, белёсыми бровями и ресницами вряд ли заставило бы трепетать сердце хоть какой-нибудь девушки. К тому же кожа на его лице была рыхлая, с красными юношескими угрями, что всегда вызывало у Инны чувство брезгливости. Судя по костюму с галстуком и большому букету цветов, парень явно направлялся на свадьбу.

– О! Я вас узнал! – обрадовался он. – Вы же подружка невесты. Я вас видел тогда, на демонстрации. Вы ещё несли солнце с надписью «труд». А почему вы здесь стоите? Свадьба ведь уже давно идёт. Вы тоже опоздали? Пойдёмте скорее, на нас и так Анна Брониславовна ворчать будет.

Парень открыл дверь, но Инна замешкалась.

– Понимаешь, я с Верочкой поссорилась недавно, и она меня не пригласила на свадьбу. А мне так хочется там побывать и с ней помириться!

– Так в чём же дело? Пойдёмте.

– Но меня нет в списках приглашённых. Меня в ресторан не пустят.

– Пустят. Я скажу, что вы со мной. Вы согласны быть на этот вечер моей девушкой?

– Согласна, – потупив глазки, кокетливо произнесла нараспев Инна.

Парень подставил локоть, и Инна гордо прошла под руку с незнакомцем в ресторан, одарив швейцара одной из самых своих презрительных ухмылок.

Многочисленные гости, толпившиеся в зале, произвели на Инну ошеломляющее впечатление. Таких нарядов она в своей жизни ни разу не видела. Платья на женщинах были из каких-то непостижимо прекрасных тканей, которые вряд ли выпускает советская ткацкая фабрика «Красная большевичка». А фасоны! Такие не отыщешь в журнале «Работница». Инна поняла, как убого она смотрится в своём вязком платье и как нелепо выглядят искусственные ромашки, пришитые вокруг горловины и по подолу. Её опасения подтвердили две дамы, оглядевшие Инну с презрительной усмешкой. Да, теперь понятно, почему Верочка не захотела, чтобы они с девочками пришли на свадьбу.

– А где же молодожёны? О! Вон Анна Брониславовна. Пойдёмте, она нас выведет к Вадиму с Верой, – парень потянул её за руку.

– Нет-нет. Ты иди один, а я потом к Верочке подойду. Не хочу её в начале вечера расстраивать. Вдруг она разозлится, что я пришла. Я сама выберу момент, когда лучше с ней помириться.

– Ну хорошо. Только вы стойте здесь, а то я вас потеряю. Вы же обещали быть сегодня моей спутницей. Я поздравлю и вернусь.

Парень быстро стал лавировать между гостями. Как только он скрылся, Инна вышла в холл и зашла в туалет. Оторвав цветы с платья и вытащив их из причёски, Инна вернулась в зал.

– Ну где же вы были? – налетел на неё долговязый. – Я вас по всему ресторану ищу. Я уж подумал, что вы расстроились и ушли.

Инна мысленно чертыхнулась. Долговязый явно не вписывался в её представления о будущем муже.

– Ну и зря ты носился. Чего так переживаешь? Я же немаленькая, не потеряюсь. Я в туалете была. Ладно, можешь идти к своим друзьям. Спасибо, что провёл сюда. Дальше я сама справлюсь.

– Э нет. Мы так не договаривались. Вы же обещали, что будете сегодня со мной.

– Да ладно, чего тебе со мной валандаться? Вон сколько тут девиц. Сможешь подцепить и получше.

– Меня другие не интересуют. Вот вы мне очень понравились. Я вас ещё с той демонстрации запомнил. Так что никуда вы от меня сегодня не денетесь.

Инна с досадой посмотрела на парня. Она соображала, как бы покультурнее его отшить, но тут толпа гостей заволновалась, и со всех сторон послышался шёпот: «Приехал!» Люди сгруппировались у входа, ожидая появления самого главного гостя.

Инна заинтересовалась происходящим.

– Чё это они? Что-то случилось?

– Фёдор Николаевич приехал! – обернувшись, с придыханием ответила какая-то дама.

– А, понятно, – кивнула Инна с умным видом, хотя ничего ей не было понятно, но переспрашивать постеснялась.

А вдруг этот Фёдор Николаевич окажется каким-то знаменитым человеком, и на неё посмотрят как на невежественную дуру.

Постепенно, по мере того как важный гость шёл к столу, толпа стала расступаться. Волнообразно менялось и выражение лиц у людей от безразлично-скучающих до радостно-подобострастных. «Здравствуй, Фёдор Николаевич!» – многократно повторялось с разных сторон. Инне тоже было интересно поздороваться с важной персоной. Будет потом чем перед знакомыми похвастаться! Она перебежала на то место, куда, судя по всему, он направлялся, и приготовила свою самую обворожительную улыбку. Но когда толпа расступилась, вместо чарующей улыбки на её лице возникла удивлённая гримаса. Важный гость оказался маленьким толстеньким лысым человечком. Он даже Инне еле доходил до плеча. Единственной крупной деталью его внешности был здоровый красный бугристый нос.

Позади этого коротышки какой-то мужчина в военной форме нёс коробку и букет роз. Фёдор Николаевич, кивая в знак приветствия, но при этом хмуро глядя себе под ноги, наконец-то дошёл до стола и сел во главе его.

– Так, а где виновники торжества? – строго спросил он хриплым басом, как будто вызывал провинившихся к себе в кабинет для взбучки.

Вот голос у Фёдора Николаевича в отличие от внешности соответствовал статусу очень важного начальника.

Николай Ефимович с Анной Брониславовной быстро подвели Вадима с Верочкой, а сами встали сбоку. Фёдор Николаевич поднялся из-за стола, подошёл к молодожёнам, пожал руку Вадиму, потом Верочке и сказал: «Молодцы! Поздравляю! Так держать!» Затем пожал руки родителям и бросил взгляд на военного. Тот передал подарок с цветами и, по привычке чеканя шаг, ушёл.

– Ну-с, а почему вы ещё не за столом? Я уж думал, что тут пир горой, а все ещё почему-то трезвые, – наконец-то улыбнулся Фёдор Николаевич.

Это для всех явилось приглашением, и гости радостно заняли места за красиво сервированным длинным столом. Инна постаралась сесть напротив приглянувшегося ей симпатичного блондина, но долговязый парень тут же уселся рядом с ней, чем вызвал у девушки трудноскрываемое раздражение.

Гости начали заполнять салатами и закусками фарфоровые тарелки. Радостный стук вилок сопровождало бульканье разливаемого по бокалам шампанского. Наконец все взяли в руки бокалы с золотистым пузырящимся напитком и посмотрели почему-то не на молодожёнов, а на противоположный конец стола.

Фёдор Николаевич поднялся, откашлялся и заговорил:

– Товарищи, мы собрались на очень важное мероприятие. Сегодня создаётся ещё одна ячейка социалистического общества...

Дальше речь шла о том, что надо быть благодарным нашей стране за то, что здесь люди могут жить счастливо, что поэтому нужно стремиться быть полезным своей родине. Потом он рассказал о международной обстановке, о предсмертных судорогах гнивающего капитализма, о преимуществах социалистического общества и так далее. Говорил он долго и утомительно. Инна подумала, что хоть речь комендантши общежития на проводах была и менее складной, но смысл был совершенно одинаковый.

«Может, есть специальный документ для ответственных работников, в котором напечатан образец тостов?» – усмехнулась она.

Все уже устали держать бокалы, и менее послушная молодёжь поставила их на стол. Наконец-то речь закончилась, и все с удовольствием произнесли «горько!», что всё-таки напомнило окружающим о том, что они присутствуют на свадьбе.

Верочка с Вадимом поднялись и поцеловались. А дальше уже на них особо не обращали внимания, лишь изредка, желая в очередной раз опустошить бокалы, произносили заветное «горько» и наблюдали, как жених целует невесту. Но Верочку это совсем не обижало. Напротив, она была рада, что всё внимание сосредоточено не на ней, а на том пузатом коротышке, который сидел на другом конце стола. Ей совсем не хотелось изображать веселье. Верочка с грустью думала о том, что сегодня она совершила самое большое за свою жизнь предательство по отношению к подругам и в то же время самый большой подвиг ради Вадима. Она так была поглощена своими мыслями, что не обращала внимания на окружающих и не увидела среди гостей Инну. А подруга тем временем старалась изо всех сил покорить симпатичного блондина, но тот почему-то оставался холоден к её томному взгляду и чарующей улыбке и весь вечер ухаживал за совершенно обыкновенной девицей, сидящей рядом с ним. В конце концов Инна смирилась с тем, что её кавалером на этой свадьбе будет прыщавый долговязый парень.

А после того как Фёдор Николаевич обратился к долговязому, назвав его при этом племянником, Инна с интересом поглядела на своего ухажёра.

– Ты чё, правда его племянник?

– Да. Только двоюродный. Моя мама – двоюродная сестра Фёдора Николаевича.

Инна ещё раз на него посмотрела. Кроме большого носа, никакого другого сходства она не нашла. Но внешность парня уже не казалась ей такой отталкивающей.

– Ну что ж, раз ты мой кавалер, давай хоть познакомимся. Я Инна.

– А я Володя, – улыбнулся парень.

Чем больше было выпито спиртного, тем более раскованно вели себя гости. Если в начале банкета слышен был только стук ножей и вилок о тарелки, то теперь гости стали переговариваться и даже смеяться. Особенно разительная перемена произошла с Фёдором Николаевичем. По мере того как опустошалась бутылка водки рядом с его тарелкой, он превращался из хмурого начальника в весёлого мужичка и к середине вечера уже разошёлся не на шутку.

Он стал рассказывать соседям по столу, как на собственной свадьбе он крепко выпил и проворонил невесту. Сваты её украли и потребовали потом с него выкуп в виде десяти бутылей самогона, на что он ответил, что ни одна баба не стоит так дорого, поэтому пусть оставляют её себе.

Он так хохотал над собственной шуткой, что чуть не свалился со стула.

– Кстати, а почему на этой свадьбе так скучно? Никто невесту не крадёт, частушек не поёт. Это не по-нашему, не по-русски. Надо это исправить, – он хохотнул и шёпотом сообщил соседям по столу: – А мы сейчас украдём туфлю у невесты и заставим жениха из неё выпить.

Подмигнув соседке, Фёдор Николаевич опустил на четвереньки и полез под стол. По мере продвижения под столом он, однако, не упускал возможности погладить дам по ножке, а некоторым даже целовал туфельки. Дамы сначала возмущённо ахали, но, заглянув под стол и увидев, кто именно позволяет себе такие вольности, меняли гнев на смущенную улыбку.

Ничего не подозревающая Верочка старательно резала ножом мясо, размышляя о том, что, может, сходить на днях к девчонкам и попытаться всё объяснить им? Может, простят? Она подбирала слова для будущих извинений, как вдруг почувствовала, как кто-то погладил её по ноге. Верочка с удивлением посмотрела на Вадима, но его руки были на столе. Значит, это не он. Она в ужасе растерялась, не зная, как реагировать на такое хамство. Но когда Верочка почувствовала, как кто-то пытается снять с неё туфлю, она решила, что этот нахал к тому же ещё и вор, который хочет украсть её прелестные туфельки. Верочка так разозлилась! Она с силой второй ногой отпихнула наглеца.

Удар пришёлся Фёдору Николаевичу по лбу, а острый каблук пробил голову как раз посередине между бровями. Взревев, как медведь: «Ё!!!» – Фёдор Николаевич рухнул на спину без сознания.

Что тут началось! Сначала никто не мог сообразить, что произошло. Но потом по ужасу на лицах и по истошному крику дам: «Фёдора Николаевича убили!!!» – люди поняли, что произошла ужасная трагедия. Целая толпа кинулась под стол и, толкая и мешая друг другу, пытались помочь пострадавшему. А когда столпившиеся вокруг места происшествия увидели, как из-под стола вытащили за ноги самого важного гостя, который лежал с закрытыми глазами и с дыркой во лбу, из которой тонкой струйкой текла кровь, все ахнули: «Застрелили!!!» И как эхо, многократно повторяясь, разнеслось по всему залу: «Фёдора Николаевича убили!!!»

Несколько дам на всякий случай упали в обморок, дабы продемонстрировать остальным высшую степень своего потрясения. Мужчины были тоже в предобморочном состоянии, понимая, что теперь все они под подозрением в политическом убийстве и дело пахнет не только

Сибирью, но, возможно, и высшей мерой. Повисла мёртвая тишина, которую прервали всхлипывания Верочки:

– Я не хотела! Я не знала, что это он! Я нечаянно!

Все с недоумением посмотрели на плачущую невесту, не понимая, при чём тут она.

– Он меня напугал, – продолжала Верочка, – я подумала, что это вор, поэтому и ударила. Я не хотела его убивать!!!

Наконец до гостей дошёл смысл её слов. Еле сдерживая радость от того, что нашёлся виновный и что для них самих Сибирь и «вышка» отменяются, они обрушили свой праведный гнев за пережитый ужас на девушку.

– Что ты наделала! Зачем ты убила Фёдора Николаевича?! Как ты посмела?!

– Я н-н-не хотела. Он... он... он стал снимать с меня туфлю, и я его толкнула ногой.

Верочка больше не могла произнести ни слова. До неё дошёл весь ужас содеянного ею, и она разрыдалась.

Сквозь толпу прорвалась Анна Брониславовна. С ненавистью посмотрев на невестку, она закричала:

– Да как ты посмела поднять ногу на самого Фёдора Николаевича?!!

Упав на колени, она прильнула ухом к груди пострадавшего. Все затаили дыхание. Лицо свекрови вдруг просияло:

– Живой! Сердце бьётся!

Все опять загалдели:

– Живой! Радость-то какая! Живой! Надо срочно вызвать «скорую». Он ещё живой!

Сразу несколько человек побежали вызывать «скорую помощь».

– Может, ему искусственное дыхание сделать? – спросила Анна Брониславовна.

– Да-да, конечно, не помешает.

С трудом вспоминая, как правильно надо делать искусственное дыхание, Анна Брониславовна запрокинула голову Фёдору Николаевичу, зажала ему нос и собралась уже прилечь к его губам, как пострадавший вдруг зачмокал и смачно захрапел. Обморок его плавно перешёл в крепкий сон.

– Спит, – растерянно произнесла Анна Брониславовна и посмотрела на окружающих, как бы ища у них совета, что же дальше делать.

– Не будите. Пусть он отдыхает, – посоветовал кто-то из толпы.

– Да-да, пусть поспит, – вторили остальные.

Анна Брониславовна заботливо стряхнула пыль с пиджака пострадавшего.

– Бедный, ему неудобно на полу спать. Может, его на кушетку перенести?

– Лучше не надо его трогать до приезда врача. Надо только под голову что-нибудь подложить.

Какой-то мужчина тут же снял с себя пиджак, свернул его и подложил под голову Фёдору Николаевичу. Остальные с завистью посмотрели на догадливого. Да, вовремя оказанная помощь такому большому начальнику потом может очень хорошо повлиять на карьеру.

– «Скорая» приехала! – завопила женщина, вбежавшая в зал. Всё это время она караулила у входа.

– Тише вы! Он спит, – зашикали на неё.

В зал прошла девушка в белом халате и с чемоданчиком в руке. Присев на корточки рядом с пострадавшим, она осмотрела его и пришла к выводу, что хоть рана и несерьёзная, но всё равно надо больного отвезти в больницу.

– Пусть он там придёт в себя, отдохнёт. Сейчас я позову санитаров с носилками.

– Не надо санитаров. Мы сами отнесём, – загалдели мужчины и кинулись к больному, устроив небольшую потасовку.

Каждый хотел принять участие в переносе высокопоставленного тела. И хоть Фёдор Николаевич был небольшого роста, его умудрились нести десять человек. Четверо из них лишь слегка придерживали ботинки. Толкаясь и наступая друг другу на пятки, они почти вышли в холл, как вдруг какая-то женщина испуганно вскрикнула:

– Вы же его вперёд ногами несёте!

Мужчины, поняв свою оплошность, попятились назад. Потом им пришлось разворачиваться и уже выносить тело как положено – вперёд головой.

В санитарную машину могли поместиться кроме больного только два человека, так как там уже сидели медсестра и два санитары. Желавших проводить пострадавшего до больницы было слишком много, поэтому вышла небольшая перебранка, но Анна Брониславовна объявила, что Фёдор Николаевич был её гостем и она в ответе за него, поэтому поедут только члены её семьи. Кроме того, им нужно загладить свою вину. Все понимающе закивали, думая кто с сочувствием, а кто со злорадством, что загладить вину будет очень сложно.

К Анне Брониславовне подошёл Виктор Сергеевич и взял её руку в свои большие ладони.

– Я так сочувствую! Могу ли я чем-то помочь?

– О, Виктор Сергеевич! Такое несчастье! У меня нет сил всё это пережить, – смахнула она слезу. – Что же будет?!!

– Ну-ну, успокойтесь. Всё образумится. Я посодействую, чтобы всё прошло без последствий.

– Ах, Виктор Сергеевич, что бы мы без вас делали?! Спасибо вам за заботу.

– Анна Брониславовна, садитесь в мою машину. Я поеду вместе с вами в больницу. А когда Фёдор Николаевич проснётся, я поговорю с ним.

– Да-да, поговорите. Он вас так уважает. Он вас послушает. Я сейчас, только посажу Вадима с отцом в «скорую» и поеду с вами.

Анна Брониславовна подошла к сыну, который пытался успокоить Верочку. Он прижал жену к себе и гладил всхлипывающую Верочку по голове.

– Вадим, пойдём, а то «скорая» не может больше ждать, – подавив в себе злость, произнесла Анна Брониславовна.

– Куда? – Вадим хотел добавить: «А как же брачная ночь?», но, взглянув на пылающее от гнева лицо матери, вовремя остановился. – Ах да. Пошли, Верочка. Придётся ехать в больницу.

– Что?! Ты собираешься её везти в больницу? Да ты хоть понимаешь, что она натворила? Она унизила и чуть не убила самого... – у Анны Брониславовны перехватило дыхание.

Больше всего ей хотелось сейчас наорать на невестку. С трудом взяв себя в руки, она постаралась сказать спокойным тоном:

– Не думаю, что Фёдор Николаевич захочет её увидеть, когда проснётся.

Свекровь повернулась и, не оглядываясь, пошла к машине.

Анна Брониславовна старалась идти с гордо поднятой головой, не обращая внимания на насмешливые взгляды недоброжелателей. А таких было немало, в основном среди жён бывших сослуживцев мужа. Она знала, что эти женщины ненавидели её за неувядающую с годами красоту, грациозность, умение со вкусом одеваться. Они ненавидели её за царственную осанку, аристократические манеры. Анна Брониславовна знала, что раньше за спиной её презрительно называли аристократкой. Это сейчас стало модным в семьях больших начальников соблюдать этикет и вести себя как буржуазная аристократия, и эти женщины изо всех сил стараются теперь изображать из себя дам высшего света. А Анне Брониславовне ничего изображать не надо. Она действительно была из дворянского рода. Всех её родственников после революции убили. Она осталась жива только благодаря своей няньке, которая увезла её в Вологду и выда-

вала за свою племянницу. И отчество девочке она дала своего брата Бронислава, умершего несколько лет назад. После смерти няньки Анна Брониславовна, тогда просто Аня, решила вернуться в Москву. В столице, немного поскитавшись и поголодав, Аня совершенно случайно познакомилась с женой Николая Ефимовича, которая поселила её в своём доме. Но Анна не хотела быть приживалкой и поэтому согласилась помогать по хозяйству. Николай Ефимович уже тогда занимал высокую должность. Жена у него была простая добрая женщина, детей у них не было, и она полюбила Аню как свою дочь. Николаю Ефимовичу тоже нравилась девушка. Он восхищался её красотой и какой-то совсем не пролетарской утончённостью. Даже вытирать пыль Аня умудрялась с таким чувством собственного достоинства и такой королевской грацией, что у Николая Ефимовича, военного человека, прошедшего огонь и воду, начинали предательски дрожать руки и бешено стучать сердце. Сколько раз он вместо того, чтобы работать в своём кабинете, под любым предлогом шёл на кухню, где девушка готовила или мыла посуду, и заводил с ней долгие разговоры, а ночью никак не мог заснуть, вспоминая зелёные глаза Анечки. Он ужасно злился на себя за это мальчишество и уже хотел пристроить Аню куда-нибудь на работу в другое место. Мыслей о том, чтобы изменить жене, у Николая Ефимовича не было. Но вскоре у его жены обнаружили неизлечимую болезнь, и, пролежав полгода в больнице, она скончалась. Николай Ефимович тяжело переживал её смерть, ведь они прожили вместе почти десять лет. А через несколько месяцев он, ужасно волнуясь и почему-то стыдясь собственных слов, сказал: «Аня, я, конечно, понимаю, что я намного вас старше... Вы такая молодая и красивая... В общем, не согласились бы вы стать моей женой?» Девушка внимательно и чуть удивлённо на него посмотрела и сказала: «Хорошо, я подумаю над вашим предложением».

Николай Ефимович не спал всю ночь. Он ругал себя на чём свет стоит. Как он, старый пень, превратил себя в посмешище?! Под утро он решил, что попросит извинения у девушки за столь нелепое предложение. Но утром Аня постучалась в его комнату и, войдя, спокойно произнесла: «Я согласна стать вашей женой. А сейчас идите завтракать», – и вышла.

Аня тоже не спала всю ночь, обдумывая предложение Николая Ефимовича. Хоть любви к нему она и не испытывала, но всё же он ей нравился. Он был спокойный, надёжный, а самое главное, он был значительный человек. Она видела, как уважают и немного побаиваются его сослуживцы, приходящие к ним в гости. Очень часто ему звонили знаменитые люди, и даже несколько раз были звонки из Кремля. Аня не думала о корысти, ведь жил Николай Ефимович достаточно скромно, просто ей хотелось тоже быть хоть чуточку причастной к этой интересной, как ей казалось, жизни.

Уважение и некоторая робость по отношению к мужу у Анны Брониславовны так и остались, а всю свою нерастраченную любовь она выплеснула на сына. Любила Вадима она самолюбвенно, с какой-то животной страстью самки, опекающей своего детёныша. За счастье сына она готова была пойти на что угодно. А так как на примере мужа Анна Брониславовна видела, что счастье неразрывно связано с положением в обществе, с занимаемой должностью, то кропотливо прокладывала сыну путь наверх, заводя нужные знакомства и стараясь быть любезной и радушной даже с не совсем приятными ей людьми. Ей представлялось в мечтах, что её Вадим станет ещё более значительным и уважаемым человеком, чем даже его отец... И вот теперь какая-то невежественная дрянь всё уничтожила. Анна Брониславовна понимала, что сегодня карьера сына рухнула. Она возненавидела Веру так, как никого другого в своей жизни. Эта «рыжая клоунесса» стала её главным врагом.

Сев в машину к Виктору Сергеевичу, Анна Брониславовна сквозь слёзы прошептала:

– Проводите свою эту, как её, рекогносцировку. Делайте что хотите, но помогите нам избавиться от неё!

– Верочка, мне надо ехать в больницу, – Вадим отстранил от себя жену. – Ты же понимаешь, надо как-то уладить этот конфуз. А ты поезжай домой. Машина тебя ждёт.

Верочка вцепилась в руку Вадима.

– Вадим, не бросай меня. Мне страшно. Что же теперь будет?

– Успокойся. Ничего тебе не будет. Фёдор Николаевич жив и здоров. Мы извинимся перед ним. Так что всё наладится. Езжай домой, а я скоро вернусь.

Вадим быстрым шагом направился за матерью, а Верочка осталась около праздничного стола, на котором стояли так и нетронутые деликатесы. Официанты, вошедшие в зал с новой сменой блюд, с удивлением наблюдали, как гости спешно покидают ресторан. Многие из гостей проклинали судьбу за то, что оказались на этой чёртовой свадьбе и стали невольными свидетелями такого унижения Фёдора Николаевича. Неизвестно, как всё это может отразиться и на их карьере.

Верочке казалось, что весь мир от неё отвернулся. Она видела, как гости старательно обходили её, не удостоивая не то что словом, но даже взглядом. Она была для них как прокажённая.

Верочка села на стул и тупо уставилась в пол.

– Верка, ну ты даёшь! – услышала она знакомый голос.

Верочка с удивлением подняла глаза и уставилась на Инну.

– Не знала, что ты такая смелая, – продолжала с улыбкой подруга. – Я тебя даже зауважала. Мне тоже так хотелось ему врезать, когда он облизывал мою туфлю! Но у меня духу не хватило. Извини, Володь, но твой дядя от водки просто спятил. Такое вытворял!

– Ага, – ухмыльнулся парень, – он ещё и не такое выделяет, когда напьётся.

– Инночка! – воскликнула Верочка и опять заплакала. – Прости меня. Я не хотела вас предавать. Меня Анна Бр... Бр... свекровь заставила.

– Да ладно. Замнём. А чё ты одна здесь сидишь? Где твой муж?

– Он в больницу уехал, – вздохнула Верочка.

– И оставил тебя одну?! В брачную ночь?! – возмутилась Инна. – Не, я всегда говорила, что от науки мозги тухнут. Бросить невесту и поехать с пьяным мужиком, пусть даже и таким важным, – это ненормально. Да там и так было до фига провожающих. Зачем он-то поперся?

– Улаживать, – промямлила Верочка, забыв то слово, которое произнёс Вадим: то ли канфут, то ли канфет.

– Лучше б он тебя в постель улаживал, – проворчала Инна. – А ты теперь ночью что, одна на брачной кровати валяться будешь? Нет, это чудовищно! Я бы повесилась, если бы меня так бросили!

У Верочки опять потекли слёзы.

– Ладно, не реви. А подруги на что? Ну что, Володь, не дадим ей повеситься? – подмигнула парню Инна.

– Не дадим, – серьёзно ответил он.

– Поехали сейчас к нам в общагу и там продолжим банкет, – заявила Инна.

– Девчонки, поехали лучше в другой ресторан. Я вас приглашаю, – предложил Вадим.

– В этом платье? – наконец-то улыбнулась Верочка. – Нет. Я не могу. Мне надо домой. Вадим обещал скоро вернуться.

– Значит, едем к тебе, – безапелляционно произнесла Инна. – Вместе ждать веселее. А когда Вадим вернётся, мы с Вовиком уедем. Правда, красавчик?

«Красавчик» радостно закивал головой. С Инной он готов был идти куда угодно.

Верочка растерялась. А можно ли гостей приводить в дом без разрешения свекрови? Но решив, что она теперь полноправный член семьи и их дом теперь и её тоже, Верочка согласилась.

– Красавчик, иди лови такси. А мы пока со столов закуску соберём, – командовала Инна. – Нельзя же, чтобы столько жратвы пропало. А то у этих официантов морды от такой халавы треснут.

– Зачем такси? У меня машина есть.

– Своя машина? Ты у меня, значит, фанфарон!

Инна не очень понимала значение этого слова, но произнесла его с таким восхищением, что Володя понял: «Всё. Инна его навеки».

– А сумка у тебя есть? – спустила она парня с небес на землю.

– Нет, – упавшим голосом произнёс он, боясь, что это уменьшит его достоинства.

– Тогда снимай пиджак. Мы в него всё сложим. А то нас с тарелками отсюда не выпустят.

– С тарелками?! – ужаснулся Володя. – Но это же воровство!

– Какое воровство? А то, что мы столько жратвы им бесплатно оставляем, это не воровство?! Короче, если ты струсил, иди в машину. Мы сами всё сделаем.

– Я не струсил. Давайте я вас от официантов загораживать буду.

Девчонки быстро стащили со стола несколько тарелок с закусками, накрыли их друг другом, завернули всё это в пиджак и, прихватив ещё три бутылки вина и бутылку шампанского, сбежали вниз.

Сев в машину, они заулюлюкали, обрадованные тем, что удалось немного нашкодить. Даже у Верочки исчезла грусть и высохли слёзы. Что ни говори, но Инна умела поднимать настроение.

Глаша встретила их удивлённым взглядом, но ничего не сказала. Она привыкла не вмешиваться в дела хозяев. Компания прошла на кухню. Они со смехом стали выкладывать на стол тарелки с закуской. Глаша достала из холодильника колбасу и салат, выпила за счастье молодожёнов бокал вина и ушла спать.

Девчонки ещё в машине выпили полбутылки вина, поэтому без конца смеялись по любому поводу. Всё происшедшее в ресторане потеряло трагическую окраску, и теперь все покатывались от хохота, вспоминая подробности.

– А как они тащили его за ноги! – смеялась Инна.

– А он застрял своим толстым пузом под стулом, – вторила ей Верочка.

– А какие были у всех глаза, когда они увидели дырку во лбу, – посмеивался Володя. –

Они как заорут: «Застрелили!»

От хохота все согнулись пополам. Инна стонала:

– Всё. Я больше не могу. Я сейчас описаюсь от смеха!

– А как он захрапел, когда Анна Брониславовна стала делать ему искусственное дыхание! – не унимался Володя.

Так они сидели и смеялись до одиннадцати вечера. Почти всё спиртное было выпито. Осталось только немного шампанского.

Инна засобиралась в общежитие, а то в двенадцать двери запирались. Володя пошёл её провожать.

Верочка закрыла за ними дверь и нетвёрдой походкой вернулась на кухню. Она хотела вымыть посуду, но тарелка выпала из рук и разбилась. Верочка заплакала, сама толком не понимая отчего: то ли оттого, что было жалко тарелку, то ли оттого, что опять стало жалко себя. Чтобы успокоиться, она глотнула шампанского из горлышка. Кое-как собрав крупные осколки и чуть не упав, девушка решила, что уберёт остальное завтра. Прихватив недопитую бутылку, она пошла в спальню. Увидев кровать, накрытую красивым покрывалом, ту самую кровать, на которой должен был сегодня совершиться ритуал вступления её в замужнюю жизнь, Верочка закусилась задрожавшую губу. Сев на кровать, она глотнула ещё шампанского и, откинувшись

на спину и глядя в потолок, размышляла, почему же она такая несчастная. Через минуту она заснула.

Проводив носилки с Фёдором Николаевичем до палаты, Вадим засобирався домой. Но мать настояла, чтобы он остался.

– Вадюша, ты должен быть рядом с Фёдором Николаевичем, когда он проснётся. Пусть он увидит, как ты раскаиваешься. Пойми, от того, простит он тебя или нет, зависит вся твоя жизнь, – убеждала Анна Брониславовна.

В палате разрешили находиться только одному человеку. Поэтому Вадиму пришлось всю ночь просидеть на стуле, глядя на храпящего начальника и с тоской думая о том, что Верочка, его законная жена, сейчас спит одна на их брачной кровати.

Анна Брониславовна с Николаем Ефимовичем и Виктором Сергеевичем всю ночь промучились в холле на диване. Мужчины к двенадцати ночи заснули, положив головы ей на плечи, а она так всю ночь и просидела без сна в раздумьях о сыне.

В пять утра Фёдор Николаевич проснулся. Встав с кровати, он, ничуть не удивившись, быстро оделся и подошёл к Вадиму. Вадим подбирал слова, не зная, как начать разговор, но Фёдор Николаевич похлопал его по плечу: «Молодожён? Поздравляю! Молодец! Так держать!» – пожал ему руку и вышел из палаты. Вадим ошарашенно посмотрел на захлопнувшуюся дверь.

Анна Брониславовна, увидев, как Фёдор Николаевич вышел из палаты, вскочила и направилась к нему. Мужчины, потеряв опору, больно стукнулись друг о друга головами и проснулись. Встав с дивана, они тоже поспешили к начальнику. А тот, остановившись на минуту, со словами: «Поздравляю! Так держать!» пожал мужчинам руки и быстрым шагом направился к лестнице.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, Анна Брониславовна подбежала к сыну, который с улыбкой вышел из палаты.

– Что ты ему сказал? – почти хором спросили родители.

– Ничего, – усмехнулся Вадим.

– Как ничего?

– Так. Он меня поздравил и ушёл.

– Значит, забыл, – облегчённо вздохнули все.

– Главное, чтобы ему не напомнили, – забеспокоилась Анна Брониславовна.

– Не переживайте, – Виктор Сергеевич обнял её за плечи, – остальные тоже не захотят, чтобы он вспомнил.

– Да, всё хорошо, что хорошо кончается, – улыбнулся Николай Ефимович.

– А вам, молодой человек, надо бы приструнить свою жену, – назидательно произнёс Виктор Сергеевич, – а то в следующий раз может всё и не так хорошо закончиться.

– Да она нечаянно... – начал оправдываться Вадим.

– За нечаянно бьют отчаянно. Слышал такую поговорку? Вот-вот, мотай на ус.

Анна Брониславовна лишь печально вздохнула.

Домой они приехали в половине шестого утра. Пройдя на кухню, чтобы выпить кофе, Анна Брониславовна увидела совершенный кавардак. На столе стояли три пустые бутылки вина, три бокала и несколько грязных тарелок. На полу валялись мелкие осколки и салат.

– Что это такое? Вадим! Иди посмотри, чем твоя жена занималась, пока мы из-за неё всю ночь не спали.

Вадим молча оглядел кухню. Он чувствовал, как в нём закипает злоба.

– И с кем это она здесь пьянствовала? – возмущалась мать. – Без пяти минут жена, а уже в нашем доме на троих соображает! Шустрая она у тебя.

...Быстрым шагом Вадим направился в спальню. Мать последовала за ним. Распахнув дверь, они увидели, что Верочка в подвенечном платье спит поперёк кровати прямо на покрывале, обнимая пустую бутылку от шампанского.

– Вот это да! – усмехнулась мать.

Вадим рывком посадил Верочку, но та опять завалилась на кровать.

– Да она мертвецки пьяная! – брезгливо произнесла Анна Брониславовна.

Вадим попытался разбудить Верочку, он стал её трясти, но она только невнятно что-то пробормотала. Тогда в нём проснулась такая злость, что он отхлестал Верочку по щекам, пытаясь привести в чувство. Но всё было бесполезно. Вадим вышел из спальни, хлопнув дверью.

Анна Брониславовна торжествовала. Наконец-то сын понял, что она была права.

Вадим вышел на улицу и бесцельно бродил несколько часов, размышляя о том, как нелепо, трагично и в то же время комично начинается его семейная жизнь. Произойди такое с кем-то другим, он бы от души посмеялся над бедолагой. Но это была его жизнь, и потому это было трагедией.

Вадим возненавидел вчерашних гостей, которые были свидетелями его позора. Он явно представил, как они пересказывают всем своим знакомым вчерашний скандал, посмеиваясь и смакуя подробности. Вадим возненавидел Верочку, которая своей непосредственностью умудрялась создавать ему такие проблемы. А он ненавидел проблемы.

В работе и в карьере у Вадима проблем не было, всё складывалось очень удачно. А вот в любви ему не везло. Вокруг него постоянно вилось много девушек. Но он всегда разглядывал в них какие-то недостатки. Одна была недостаточно красива, другая глупа, третья противно хихикала, четвёртая была занудой. Наконец он нашёл, как ему казалось, идеал. Это была Катя. Но она его обманула, предала. Вадим так тяжело тогда переживал!

И вот он, на удивление себе, влюбился в Верочку. Она уступала многим его знакомым по красоте, уму да и по многим другим качествам, но в ней была такая душевная чистота и искренность, она так преданно и самозабвенно его любила, что Вадим всей душой привязался к ней. С Верочкой ему было сначала легко и хорошо. Но то, что она вчера выставила его на посмеище перед гостями, а сегодня ещё и перед родителями, выбило его из колеи. Жизнь перестала казаться такой лёгкой и спокойной. Нужно теперь как-то выпутываться, улаживать скандалы. А этого Вадим терпеть не мог да и не умел делать. И за это он Верочку сейчас ненавидел. Как ненавидел и себя за то, что не сдержался и отхлестал её по щекам. Он всю жизнь старался вести себя так, чтобы другие говорили: «Да, Вадим замечательный человек. Он умный, добрый, благородный. Очень достойный юноша!» А сегодня он ударил женщину. Стыдно. Стыдно и мерзко! И за это он тоже ненавидел Верочку.

Вадим вернулся домой только к обеду. За столом уже сидели мать с отцом.

– А где Вера? – спросил Вадим. От бессонной ночи и долгой прогулки он очень устал. Ему хотелось быстрее пообедать и лечь спать.

– Сидит в твоей комнате как мышь. Носа не высовывает. Мы звали её на обед, но она не пришла. Понимает, каких дел натворила, – ответила Анна Брониславовна.

Вадим встал из-за стола и пошёл в спальню.

Верочка сидела на краю кровати с красными, опухшими от слёз глазами. Она виновато посмотрела на Вадима и жалобно прошептала:

– Вадимка, прости меня за всё, за всё! Пожалуйста, прости!

Злость и ненависть тут же улетучились. Вадим сел рядом, обнял жену и, прижав её голову к себе, сказал:

– И ты меня прости!

– А тебя-то за что? – улыбнулась Верочка. – Ты такой замечательный! Ты лучше всех!

– Но я же ударил тебя.

– Я была виновата. На твоём месте любой бы не сдержался. Прости меня, Вадимка, что я недостойна тебя.

– Ну что ты! Ты тоже лучше всех.

Вадим поцеловал Верочку. Он был благодарен, что она не обижалась, не заставляла его чувствовать себя мерзавцем. Верочка тоже с нежностью обняла Вадима и поцеловала сначала его глаза, потом губы. Вадим увлёк Верочку на кровать и, целуя, стал расстёгивать её халатик. Верочка с готовностью подчинялась всем его желаниям и так нежно и ласково любила его, что Вадим испытал настоящее блаженство.

– Ну где же он? Обед ведь стынет, – Анна Брониславовна не могла есть, переживая, что Вадим останется голодным. Она встала и хотела пойти позвать его.

– Сядь, – строго сказал Николай Ефимович.

– Но...

– Сами разберутся. Не лезь. Когда захотят, тогда и разогреют обед.

Анна Брониславовна села и пыталась хоть немного поесть, но мысль о том, что её сын, всегда такой дисциплинированный, любящий чёткий распорядок, из-за какой-то девицы, которую он должен возненавидеть за всё, что она натворила, пренебрегает семейным обедом, приводила её в бешенство. А то, что он, возможно, занимается сейчас с этой алкоголичкой любовью, доставляло Анне Брониславовне почти физическое страдание.

– Кстати, те тарелки она украла в ресторане. Представляешь?! Не удивлюсь, если её отцом окажется вор-рецидивист. Вот увидишь, она либо сопьётся, либо окажется в тюрьме! – проворчала Анна Брониславовна.

– Не выдумывай глупости, – резко ответил Николай Ефимович, но потом он ласково положил свою большую ладонь на руку жены. – Всё будет хорошо, Анечка. Не переживай, всё наладится и будет хорошо.

– Да какое хорошо, – всхлипнула она.

Николай Ефимович притянул жену к себе и обнял. Анна Брониславовна с нежностью прижалась к мужу и успокоилась в его объятиях.

Глава 2

Вера

Так началась Верина семейная жизнь. Но постепенно страсти улеглись, и жизнь потекла в спокойном русле. Был, правда, ещё один конфликт.

Один раз Глаше пришлось уехать на похороны родственницы, и хозяйничать в доме взялась Вера. Как назло Анна Брониславовна достала по знакомству живую форель. Рыбу пустили плавать в ванне, а Вере было велено пожарить её к ужину, когда все вернутся домой. Вера посмотрела на мирно плавающих рыбок.

– Мне их убить?! – ужаснулась она.

– А ты хочешь их живыми жарить? – усмехнулась свекровь.

Оставшись одна, Вера долго собиралась с духом. Ей впервые предстояло убить живое существо. Она несколько раз брала нож, подходила к ванной и уже замахивалась, но тут же убегала. В конце концов Вера поняла, что пока она не выпьет для храбрости, ничего не получится.

В серванте стояло несколько бутылок, но открытым оказался только коньяк. Вера решила, что если она немного выпьет, то никто и не заметит. Отхлебнув пару глотков, она вернулась в ванную. Но вонзить нож в рыбу она так и не смогла. Пришлось два раза возвращаться к серванту, но всё равно этого было недостаточно, чтобы решиться на убийство. Тогда Вера взяла бутылку с собой и уже около ванны отпила столько, что её уже начало покачивать. Решив, что теперь уже может всё, она взяла нож и стала тыкать в рыбу. Но форель ловко ускользала. Изрядно измучившись, на грани нервного срыва Вера догадалась спустить воду, а когда рыба забилась на дне, с криком стала пронзать трепещущие тельца. Она уже не понимала, что делает, вонзая нож снова и снова, так что некоторые рыбины превратились в месиво. С трудом остановившись, Вера поплелась на кухню. Там она взяла сковородку, налила в неё масло. Теперь надо было положить туда рыб. При мысли, что ей руками придётся брать искромсанные тушки, к горлу подкатила тошнота. Тогда Вера взяла совок и с его помощью благополучно сгребла всю рыбу на сковородку. Прикрыв сковороду крышкой, она устало плюхнулась на стул. Вера чувствовала себя убийцей. Руки её тряслись, сердце бешено колотилось. Через полчаса, когда запахло горелым, Вера выключила газ и, отхлебнув ещё пару глотков коньяка, поставила почти пустую бутылку в сервант. С чувством выполненного долга Вера ушла в свою комнату. Там она завалилась на кровать и заснула.

Когда вернулся Вадим, он сначала не понял, что Вера пьяна. Он решил, что жена просто спит. Но когда Анна Брониславовна открыла крышку и увидела на сковороде искромсанных рыб в чешуе, с головами, с кишками, к тому же с одной стороны сильно подгоревших, она устроила скандал.

– Благодаря твоей жёнушке мы все теперь остались без ужина. А посмотри, что она сделала с ванной! Она всю эмаль истыкала! И где она теперь? Куда она спряталась? – Вера спит.

– Ах спит?! Не удивлюсь, если она напилась и теперь валяется в обнимку с бутылкой, – саркастически произнесла Анна Брониславовна.

Когда выяснилось, что Вера действительно пьяна, Вадим после этого неделю с ней не разговаривал. Пришлось ей поклясться, что спиртного она больше вообще ни капли не выпьет. И слово своё держала. Теперь даже на семейных праздниках Вера отказывалась от выпивки.

После этого инцидента жизнь опять наладилась. Анна Брониславовна благодаря Веринему покладистому характеру смирилась с её присутствием в доме, хотя изредка жаловалась по телефону своей подруге:

– Нет, ну ты представляешь, Глаша нажарила котлет, а эта подошла, прямо из миски взяла руками котлету и ест. Да-да, руками прямо из миски! Запихнула за щёку, вытерла жирные пальцы о полотенце и пошла, пережёвывая на ходу. Какова!

Но свою нелюбовь Анна Брониславовна невестке не демонстрировала, стараясь быть с Верой подчёркнуто любезной.

Николай Ефимович тоже теперь относился к Вере неплохо. Он был старым человеком со слабым сердцем и больными ногами. Единственное, что он хотел теперь от жизни, – это дожить свой век без нервных потрясений и скандалов. Он был рад спокойствию, установившемуся в доме. Как и предполагал Вадим, Верина душевная чистота смягчила родителей. Вадим был счастлив.

Единственной проблемой для Веры стала скука. Будни проходили в ожидании вечера, когда Вадим вернётся с работы, недели – в ожидании выходных. На работу Веру не стали устраивать. На хорошее место её, не очень грамотную, с восьмиклассным образованием, устроить было невозможно. А на завод или за прилавок идти работать не отпустили – слишком непристительно. Официально Вера числилась секретаршей у Николая Ефимовича. Он писал мемуары, и считалось, будто Вера их стенографирует и перепечатывает. На самом деле, конечно, к рукописям её не подпускали.

В доме было много книг. Вера по настоятельному совету мужа прилежно садилась с какой-нибудь книжкой в кресло, начинала читать, но через полчаса глаза её предательски слипались, и она засыпала. Вечером, придя с работы, Вадим обычно спрашивал:

– Ну, о чём сегодня прочитала?

– Ой, Вадимка, и сегодня не получилось почитать. Ты не сердись, но я не могу читать эти толстые книги. Мне сразу так спать охота!

Вадим сначала злился. Потом он понял, что переделать Веру не получается. Пришлось ему самому читать вслух, чтобы хоть как-то повысить культурный уровень жены. Вера слушала очень внимательно. Приключения и фантастика ей не очень нравились. Зато житейские истории типа «Мадам Бовари», «Красное и чёрное», «Униженные и оскорблённые» Верочка слушала очень внимательно, часто перебивая Вадима репликами: «Ну надо же! Вот мерзавец! Ну зачем же она ему поверила?» Особенно сильное впечатление на неё произвела «Анна Каренина». Известие, что героиня романа бросилась под поезд, ввергло Веру в состояние шока. Вера прорыдала всю ночь, а потом ещё неделю ходила печальная, украдкой вытирая набегавшие слёзы.

Но больше всего Вера любила, когда по вечерам они с Вадимом, взявшись за руки, гуляли по московским улочкам. У них даже была заветная скамейка, где они любили сидеть и мечтать о будущем. Вадим хотел побывать в разных странах, а самой главной Вериней мечтой было родить ребёнка. Это наполнило бы её жизнь смыслом, ей бы не пришлось больше скучать в ожидании Вадима с работы. А главное, это был бы ребёнок от самого замечательного, самого любимого ею мужчины.

– Вадимка, а ты кого бы хотел – дочку или сына?

– И сына, и дочку, – улыбнулся Вадим.

– Ну, Вадимка, скажи, кого ты больше хочешь? Только честно.

– Если честно, то дочку.

– Дочку?! Я почему-то думала, что ты мечтаешь о сыне.

– Если родится сын, это будет тоже очень здорово. Но девочки такие милые с тоненькими косичками, пышными бантиками, с перепачканными шоколадом губками.

Вера засмеялась и ещё крепче прижалась к любимому.

Однако Вера почему-то никак не могла забеременеть. Они прожили вместе уже пять месяцев, но желанной беременности не наступало. Свекровь посоветовала им пройти обследование у врачей. Она тоже мечтала поскорее стать бабушкой. Анна Брониславовна видела, как сын любит Веру, а счастье сына было превыше всего. Поэтому она смирилась с тем, что эта необразованная девица навсегда поселится в её доме и станет матерью её внуков.

К врачу было решено пойти на следующей неделе, но в пятницу позвонил Виктор Сергеевич.

– Анна Брониславовна, вас можно поздравить? – с ходу начал он.

– С чем?

– Как? Вадим вам ещё не сказал? Он не звонил с работы?

– Нет. А что случилось?

– Нет, пусть он сам вам расскажет. Я не буду лишать Вадима такой радости. Ещё раз поздравляю. С вас шампанское.

В трубке раздалась гудки.

Анна Брониславовна еле дождалась, когда сын придёт с работы.

– Вадим, что случилось? – спросила она, едва сын переступил порог.

– Ма, подожди. Дай хоть раздеться.

– Вадюша, не томи. Я вся на нервах. Не знаю, что и думать. Тебя повысили в должности?

– Нет.

– А что же?

– В общем, меня посылают на стажировку во Францию на два года. Буду жить при посольстве в Париже.

– О!!! Замечательно! Вадюша, дорогой, мне даже не верится. Надо сказать отцу. Николай Ефимович! Радость-то какая!

Мать побежала в кабинет отца. А Вера стояла, потрясённая услышанным. Она не знала, радоваться ей или огорчаться. С одной стороны, ей тоже хотелось посмотреть другие страны. А с другой стороны, всё незнакомое её пугало.

– Ну что, Солнышко, собирай вещи. Скоро мы будем гулять по Елисейским Полям!

Вадим подхватил Верочку на руки и закружил по коридору.

– По полям? Нет, лучше по городам. Поля я и здесь видела, – улыбалась Верочка.

Но Веру во Францию не взяли. Оказывается, это Виктор Сергеевич организовал командировку. Должны были ехать два человека. Ехала его дочь Катя, а на второе место он предлагал взять Вадима. Узнав это, Вадим хотел отказаться от поездки.

– Вадим, – убеждала мать, – такой случай предоставляется раз в жизни. Если ты сейчас откажешься, Виктор Сергеевич больше для тебя ничего делать не будет.

– Мама, ну неужели ты не понимаешь, что он со своей ненормальной дочкой специально всё подстроил в надежде, что я вернусь к ней. Катя уже звонила мне на работу и щебетала, как она счастлива ехать со мной. Меня тошнит от всего этого!

– Вадим, ну и что с того, что они всё подстроили? Главное, что ты поедешь во Францию. А там никто не будет тебя заставлять общаться с Катериной. Выполняй свою работу и всё. Если ты по-настоящему любишь Веру, никакие Кати не смогут вас разлучить, не так ли? Или ты не уверен в своих чувствах? Подумай, Вадим, посоветуйся с Верой. Но помни: от этой поездки зависит твой карьера.

Мать не сомневалась, что Вера тоже будет уговаривать его ехать. Анна Брониславовна уже убедила её, что для Вадима эта командировка очень важна.

Для Веры всё это было сущим кошмаром. Больше всего на свете ей не хотелось расставаться с любимым. Но раз так надо, то она не будет препятствовать и постарается убедить мужа не отказываться от командировки.

Через три недели Вадим уехал.

Два года! Целых два года без любимого! Она сойдёт с ума!!!

Наступили тусклые безрадостные дни, один похожий на другой. Хоть родители и стали относиться к Вере очень хорошо, ведь они были благодарны ей за то, что она не воспрепятствовала поездке Вадима во Францию, но счастья от этого было мало. Анна Брониславовна считала теперь своим долгом сделать из Веры светскую даму и буквально изводила её нравоучениями:

– Вера, не сморкайся так громко в платок. Интеллигентная женщина должна делать это незаметно... Вера, как ты сидишь? Так сидят только бабы на базаре. Интеллигентная женщина должна выпрямить спину, соединить колени вместе, завести одну ногу за другую... Вера, не **на** другую ногу (так сидят только куртизанки), а одну ногу **за** другую. А теперь надо убрать их чуть в сторону и под стул... Вера, кто так ест? Не надо всем демонстрировать, что тебе очень нравится это блюдо. Ты поглощаешь пищу слишком быстро, с каким-то причмокиванием, накалываешь на вилку огромные куски и глотаешь их, почти не разжевывая, при этом челюсти твои двигаются как шестерёнки какого-то трактора, а глаза сверкают от счастья, как у индейца-людоеда! Вера, утончённая интеллигентная женщина должна есть медленно, с чуть скучающим выражением лица. Она всем своим видом должна показывать, что всю жизнь ест деликатесы и повкуснее этого блюда. В благодарность к хозяйке она, конечно же, скажет какую-нибудь фразу типа: «Да, неплохо, неплохо. Соус к этому антрекоту весьма удачный». Но при этом обязательно оставит на тарелке хоть маленький кусочек мяса. Утонченная женщина с изысканным вкусом всегда ест только самое лучшее и понемногу. Чуть-чуть этого блюда, немного салата, маленький бутербродик с чёрной икрой, кусочек сёмги, крошечный кусочек торта с чашечкой кофе и несколько виноградинок. И всё. Запомни, интеллигентная женщина не будет сметать со стола всё подряд, оставляя за собой гору опустошённых тарелок...

В конце концов Вера возненавидела всех интеллигентных женщин, которые вместо того, чтобы просто и со вкусом жить, напридумывали себе кучу нелепых правил. Поэтому больше всего Вера любила, когда свекровь со свёкром и Глашей уезжали на дачу. Они и Веру звали с собой. Вере вообще-то очень нравилась дача – двухэтажный деревянный дом, спрятанный в лесных зарослях огромного участка. Но свобода была дороже дачных красот. Как только за строгими родственниками закрывалась дверь, Вера с визгом запрыгивала на диван, ноги клала на стол и, смачно хрустя яблоком, смотрела телевизор. А ела она из чувства протеста только руками, закусывая здоровый кусок мяса целой помидориной. Верочка испытывала настоящее блаженство, когда зубы вонзались в сочную мякоть плода, а сок с хлюпаньем всасывался в рот.

Через неделю после отъезда Вадима, когда Вера с Глашей остались в квартире одни, раздался звонок. Вера открыла дверь. На пороге стоял незнакомый парень. Верочка подумала, что это артист, уж больно он был красив: высокий и статный, с непокорным кудрявым чубом, выбивающимся из-под кепки, мужественными чертами лица и при этом с озорными мальчишескими глазами.

– Привет, курносая, – подмигнул он. – Ты здесь хозяйка?

– Нет, – растерялась Вера, – Анна Брониславовна недавно ушла.

– Ты Вера, жена Вадима?

– Да, я.

– Ну вот, а говоришь, что не ты хозяйка. Принимай покупки, хозяйка.

Парень поставил на пол две большие сумки.

– Простите, а вы кто? – спросила Вера.

– А тебе Анна Брониславовна разве ничего не сказала?

– Нет.

Из комнаты выглянула Глаша.

– А, Серёжа. Здравствуй. Всё купил? Вера, это шофёр Виктора Сергеевича. Пока Вадим в командировке, Серёжа будет привозить нам продукты.

Глаша попыталась поднять сумки, но Серёжа отстранил женщину и сам отнёс всё на кухню. Вера проследовала за ним.

– Так, хозяйшкa, проверяй по списку.

Серёжа передал Вере листок, а сам стал вынимать продукты на стол. В конце он высыпал несколько монет и устало присел на стул.

– Рубль сорок сдача, – торжественно объявил он. – Точно, как в аптеке! Ну что, хозяйшкa, чайком хоть угостишь?

Вера растерянно смотрела на наглеца. Желая поскорее от него отделаться, Вера предложила ему квас. Парень залпом осушил стакан, но уходить не спешил.

– Чего такая хмурая? Хочешь, анекдот расскажу?

– Не хочу. Вам больше ничего не надо?

Вере не терпелось выпроводить Серёжу. Она не любила таких наглых самоуверенных парней. Кроме того, ей показалось, что он явно клеился к ней.

– Ух ты! Какие мы сердитые! – хохотнул Серёжа. – Не грусти, курносая, два года пролетят, даже не заметишь. У меня вот тоже любимая на два месяца уезжает в стройотряд по комсомольской путёвке от завода. Так я не унываю.

Известие о том, что у него есть любимая, Веру успокоило. Она тоже присела на стул.

– У тебя только на два месяца, а у меня на два года. Это большая разница, – вздохнула Вера.

– Да, немалая. Но всё равно я буду переживать, как она там: не случилось ли чего, не заболела ли, не загуляла ли с каким-нибудь студентом-практикантом. Ты вот тоже переживаешь? Боишься, что он гульнёт?

– Нет, что ты, Вадим не такой.

– А у меня такая. Танюшка очень красивая. Парни все шею выворачивают, когда она по улице идёт. Да к тому же ещё и кокетка. Обожает мужиками крутить. Так что за ней глаз да глаз нужен. А она вот уезжает...

– Не переживай, ты тоже красивый. Таких, как ты, не бросают. Вот увидишь, она сама будет очень скучать по тебе.

– Ты так думаешь?

– Ну конечно!

Они улыбнулись друг другу. Теперь они друзья по несчастью.

Серёжа приезжал почти каждый день. Вера наливала ему чай, и пока он пил, они болтали. Часто он приносил письма от Тани и перечитывал Вере некоторые места. Таня очень увлекательно описывала жизнь в стройотряде, и Вера даже по-хорошему ей завидовала. Как грустно, что её, Верина жизнь, протекала вдали от общества, от молодёжи. Вера стала чувствовать себя как в золотой клетке. Эта богатая квартира с её полированными шкафами, кожаными диванами, хрустальными люстрами, фарфоровой посудой и серебряными ложками опостылела Вере. Ей так захотелось обратно в общежитие на кровать с продавленной сеткой и верблюжьим одеялом. Вот бы встретиться с подружками! Но пути назад нет. Верочка их предала, и девчонки вряд ли теперь захотят с ней разговаривать.

Так что дружба с Серёжей очень помогла Вере. Серёжка оказался простым весёлым парнем. Он постоянно смешил её, рассказывая анекдоты и смешные истории. Вера уже с нетерпением ждала, когда же он войдёт в квартиру и скажет: «Привет, курносая!»

В один из тихих вечеров, когда дома никого не было, раздался телефонный звонок.

– Привет, Верунчик! – раздался сладенько-тягучий голосок.

– Инночка!!! Как здорово, что ты позвонила! А откуда ты узнала мой телефонный номер? – Ха! Мой Красавчик ведь друг твоего муженька.

– А почему ты раньше не звонила? Мне так грустно!

– Ну вот, – недовольно произнесла Инна, – я ей звоню, а она меня же и упрекает.

– Ладно, прости. Я просто очень соскучилась. Как ты живёшь?

– Я? Отлично. Ходим с Красавчиком каждый вечер в кино и рестораны. Надеюсь его скоро захомутать. Уже в журнале «Работница» присмотрела себе фасончик свадебного платья.

– Здорово! Я так рада, что ты станешь женой друга Вадима! Мы будем тогда дружить семьями. А его родители уже вас благословили?

– Вот ещё! Стану я ждать, когда они соизволят дать своё согласие! С этой гнилой интеллигенцией так в девках и состаришься. Представляешь, его предки считают, что до свадьбы нужно два-три года встречаться! Сдуреть можно! Я что, столько лет его должна выгуливать? Да я ни с одним парнем больше месяца не выдерживаю: становится скучно. А этот Красавчик мне и за неделю надоел. А я уже вон сколько месяцев на него угробила!

Инна всегда говорила чуть растягивая слова, как бы нараспев, и с такой интонацией, словно суперзвезда давала интервью журналисту маленькой газетёнки. Когда Инна ещё училась в школе, кто-то сказал ей, что она похожа на Мэрилин Монро. С тех пор Инна старается во всём на неё походить. Она раз десять посмотрела фильм «В джазе только девушки». И в то время, когда остальные зрители в кинотеатре следили за сюжетом, Инна старательно хлопала ресницами и надувала пухленькие губки так же, как это делала актриса. Единственное, что она не стала перенимать у Мэрилин Монро, – это её походку. Вернее, сначала она попробовала так же вилять бёдрами, но парни из цеха стали отпускать по этому поводу сальные шуточки. Поэтому с такой походкой пришлось расстаться.

– Инна, а зачем же ты за него замуж собираешься, если он тебе уже надоел?

– Ну, это другое дело. Муж не обязательно должен нравиться. Короче, я хочу замуж, и всё. Красавчик неплохая кандидатура. Не фанфарон, конечно, но другого на горизонте не видать.

– Инна, а как его родители к тебе относятся?

– Они в шоке! – хихикнула Инна. – Особенно после того, как узнали, что я твоя подруга. Ты, кстати, после свадьбы никого из членов политбюро больше не пришибла, Фаина Каплан ты наша?

– Что ты такое говоришь? Каких членов политбюро? – испуганно прошептала Верочка.

– Таких! Ты что, не знаешь, что Фёдор Николаевич, которого ты лягнула, является заместителем министра? Насчёт того, член он или не член, я не знаю. Но наверняка шишка очень большая, – хихикала Инна.

– Какой кошмар! – Вера насмерть перепугалась.

– Да ладно, не трусь, он ни фига не помнит, что ты его звезданула. Ну ладно, заболталась я с тобой. Скоро на встречу с Красавчиком пойду. А ты чем занимаешься?

– Я? Ничем.

– А мамашка с папашкой и с «девушкой» Глашкой дома?

– Нет, они всю неделю на даче живут. Приезжают только на выходные. Когда станет потеплее, мне тоже придётся туда ездить. А пока мне разрешили в городе пожить.

– Что?! Ты одна?!!

– Ну да. Одна.

- Какая же я дура! Я ведь собиралась тебе раньше позвонить, но всё откладывала.
 - Правда? – обрадовалась Вера. – Ты не откладывай больше. Звони мне как можно чаще.
 - Чего звонить-то? Мы сейчас приедем. Жди.
- Раздались короткие гудки. Вера растерянно положила трубку на рычаг.

Через полчаса в дверной звонок настойчиво позвонили. Пока Вера бежала из кухни до входной двери по длинному коридору, пронзительный визг звонка не умолкал ни на секунду. Вера даже не стала спрашивать, кто там. Так бесцеремонно вести себя могла только Инна. Лишь только дверь открылась, в квартиру со смехом ввалилась шумная компания. Четыре парня и четыре девушки, среди которых были Инна и её Красавчик, вручили ошарашенной Вере авоську с фруктами, коробку торта и сетку-авоську с шестью бутылками спиртного, а сами разбрелись по квартире. Красавчик помог Вере отнести всё это на кухню. А Инна с хозяйским видом командовала остальными ребятами:

– Так, берите вот этот стол и несите его сюда, к дивану. Вера, где у тебя белая скатерть? Люба, поищи в серванте. Нашла? Давай её сюда. Кстати, достань из витрины хрустальную вазу. Мы в неё яблоки вывалим. Да-да, и фужеры тоже тащи сюда. Вера, ну что ты там копаешься? – Инна пришла на кухню. – Вера, что ты стоишь как бараниха у новых ворот? Мы пришли тебя повеселить, разве ты не рада? А сейчас все пожрать и выпить хотят. Давай шевелись. Где у тебя нож? Надо торт нарезать. Кстати, у тебя есть ещё что-нибудь съедобное? Давай, не жмотись, вываливай всё на стол.

Благодаря стараниям Инны стол через полчаса ломился от разнообразной еды. Зато холодильник с запасом продуктов на неделю совершенно опустел.

И началась пьянка-гулянка. Вера молча сидела за столом, наотрез отказываясь выпить и лишь наблюдая за всеобщим весельем.

– А кто они? – тихо спросила она Инну. – Володины друзья?

– Ой, какая тебе разница? – проворчала Инна. – Они просто весёлые ребята. Мы с ними в ресторане на днях познакомились. Здорово тогда погуляли и решили теперь всегда созваниваться и вместе веселиться. А ты вот сидишь и всё портишь своей унылой физиономией. У меня, глядя на тебя, тоже настроение портится. Ты что, не рада? Ну вот, стараешься для тебя, стараешься, и всё зря. Скучным ты человеком стала после замужества. Не буду к тебе больше в гости приходить.

– Ну что ты, Инночка, я очень рада, что вы пришли, – перепугалась Вера.

– Так улыбнись. Вот. Так-то лучше. Выпей с нами. Это западло, что все пьют, а ты одна отказываешься. Ты что, брезгуешь?

– Нет, что ты! Просто я Вадиму обещала больше никогда не пить.

Инна чуть не подавилась.

– Что за бред? Ты что, алкоголичка, что ли? Почему тебе нельзя чуть-чуть выпить, чтобы немного расслабиться?

– Просто у них в семье это не принято. Анна Брониславовна считает, что женщинам пьянствовать неприлично.

– Глупости всё это. А твоя свекруха просто заносчивая фифа. И зря ты позволяешь ей собой командовать. Вот увидишь, она своими идиотскими принципами тебя доконает. Не будь ты нюней! Умей за себя постоять! Я бы на твоём месте назло ей напилась до чёртиков. Пусть знает, что ты её нисколько не боишься и будешь жить так, как сама захочешь. Ну что ты на меня так испуганно смотришь? Эх, да что с тобой говорить?! Как была ты мямлей, так и проживёшь всю жизнь под чьим-нибудь каблуком. Ладно, хотя бы пригуби для вида.

И Вере пришлось по глотку отпивать водку. Но за весь вечер она выпила только один бокал, поэтому хоть настроение и поднялось, но она оставалась трезвой.

Через час, когда было выпито уже изрядно, начались танцы.

– А вы смотрели новый фильм «Кавказская пленница»? – спросил белобрысый парень, влезая на стол. – Сейчас будем учиться танцевать твист.

Все радостно завизжали. Парень, опьянённый не только водкой, но и всеобщим вниманием, отодвинул ногами тарелки, достал две сигареты и начал демонстрировать сцену из фильма.

– Берём один окуроч, кидаем его на пол и тушим левой ногой. Вот так. А теперь второй окуроч тушим правой ногой. Вот так. А теперь одновременно тушим два окуроча. Ту-ту-ту-ру-ту.

Все покатались со смеху.

– А теперь мы продемонстрируем этот танец с партнёршей, – не унимался белобрысый. – Ну, кто хочет со мной здесь потанцевать?

– Вера хочет! – крикнула Инна.

Все заулюлюкали и стали затаскивать упирающуюся Веру на стол. Парень взял её за руки и попытался растормошить. Вера смутилась и захотела слезть, но все стали хлопать в ладоши и подбадривать её криками: «Ве-ра, тан-цуй! Ве-ра, тан-цуй!» Поставили пластинку, и комнату наполнила весёлая музыка. Вера жалобно посмотрела на Инну и сначала робко, а потом более уверенно начала двигаться в такт музыки. Компания радостно подбадривала её хлопками, и Вера вконец осмелела и с удовольствием станцевала песню до конца. На последних аккордах парень взял её за талию и приподнял вверх. Раздались бурные аплодисменты. Вера захотела слезть со стола и тут вдруг увидела, что в дверях комнаты стоит Серёжка и, улыбаясь, хлопает ей. Она охнула и неуклюже спрыгнула на пол.

– А мы тут... танцуем... – как бы оправдываясь, произнесла она.

– Я вижу, – хохотнул Серёжка. – Здорово тут у вас. Весело. А я смотрю: дверь открыта. Думал, что воры залезли.

Инна оценивающе оглядела Сергея и, отстранив Веру, первой подошла к нему.

– А вы милиционер? Тогда арестуйте меня, – Инна томно улыбнулась. – Я главная воровка и собираюсь украсть вас на этот вечер.

Она взяла Сергея под руку и провела в комнату.

– Ай да Вера, ай да тихоня, – усмехнулась Инна, – скрывала от меня, от лучшей её подруги, такого симпатичного знакомого! И как же вас зовут, товарищ милиционер?

– Сергей.

– А меня Инна. Ребята, ну что же вы приуныли? Танцы продолжаются! Товарищ милиционер, пригласите меня потанцевать! – и, не дожидаясь ответа, Инна обвила его шею руками.

Все тут же с готовностью начали танцевать. Только Володя угрюмо наблюдал за предательством Инны, сидя за столом и выпивая одну рюмку за другой.

Но как только танец закончился, Сергей пригласил на следующий вальс Веру. Инна зло сверкнула глазами и, когда Вера вернулась к столу, постаралась её «кольнуть».

– Молодец, подружка. Настоящей москвичкой стала. Не успел муж уехать, как ты уже и любовника завела, – шепнула она Вере на ухо. – Не слишком ли для тебя жирно? Можешь обижаться, но я Сергея у тебя уведу. Он мне понравился.

– Да ты что такое говоришь! Серёжа никакой не любовник. Он шофёр Виктора Сергеевича. Он нам продукты привозит.

– Шофёр?! – разочарованно прошептала Инна и покосилась на своего Красавчика. – Ну почему так бывает: либо мужик богатый и полный кретин, либо шикарный самец, но всего лишь шофёр. Ладно, так и быть, оставляй его себе.

Инна вернулась к Володе и, обняв его, промурлыкала:

– Красавчик, ну что ты сидишь такой грустный? Пойдём потанцуем.

Веселье длилось до позднего вечера. Вера с тревогой наблюдала за Сергеем. Он хоть и старался не подавать вида, но чувствовалось, что чем-то очень расстроен. Во-первых, он пришёл уже выпивший да ещё весь вечер выпивал одну рюмку за другой. А во-вторых, он нет-нет да и мрачно задумывался о чём-то.

– Серёжа, у тебя что-то случилось? – допытывалась Вера.

– Нет, всё нормально.

– А как Таня?

– Таня? Всё у неё хорошо. Вчера письмо получил. А почему ты спрашиваешь?

– Да так. Я подумала, что... А впрочем, прости, что я лезу в твои дела.

– Ну что ты такое говоришь! Ты мой друг. У меня действительно большая проблема. Я тебе всё расскажу, но только не сейчас. Договорились?

– Договорились.

К одиннадцати вечера все засобирались домой. Инна отвела Веру на кухню.

– Значит, так, – начала она, как всегда, тоном, не терпящим возражения, – мы с Красавчиком остаёмся у тебя на ночь.

– С кем? – переспросила Вера, ошарашенная самой мыслью, что Инна останется в её доме с мужчиной.

– Ты что, глухая? С Красавчи-ком.

– Но, Инна, это же неприлично... Я даже не знаю, что сказать... Как я могу разрешить тебе? Нет, Инночка, извини, но я в роли грязной сводницы выступать не буду.

– Что?! – возмутилась Инна неповиновению такой покорной раньше подруги. – Ты мне отказываешь?! После всего, что я для тебя сделала?! Да именно благодаря мне ты, можно сказать, вышла замуж. Если бы я тебя тогда не придела и не накрасила, ещё неизвестно, понравилась бы ты тогда родителям Вадима или нет. А теперь, когда я тоже хочу замуж, ты отказываешься мне помочь. Да ты знаешь кто после этого? Ты... ты... подлая фашистка!

При чём тут фашистка, Инна сама не смогла бы объяснить. Просто ей хотелось побольнее оскорбить подругу.

– Инночка, я бы рада тебе помочь, – чуть не плача, оправдывалась Вера, – проси что угодно, но не это. Как мне потом смотреть в глаза твоему Володе да и моему Вадиму, когда он вернётся? А что если Володя после этого на тебе не женится? Ведь именно я тогда буду виновата в твоём позоре! А вдруг ты забеременеешь?!

– Это было бы замечательно! Если я забеременею, Красавчик уже точно не отвертится. Пойми, его родители знать меня не хотят. Всё из-за тебя, между прочим! А Красавчик такой мямля, боится им перечить. Так что сегодня мой единственный шанс его заставить поторопиться со свадьбой. Пойми, я хочу замуж. Срочно! Не хочу больше ждать. Мне надоела общага! Мне осточертел завод! Хочу жить, как ты. Чтобы у меня тоже была служанка и симпатичный шофёр привозил бы мне продукты на дом. Помоги мне, Верунчик, пожалуйста! Я тебя умоляю! – Инна жалобно посмотрела на Веру.

– Я не знаю... А что подумает Сергей, если все уйдут, а вы с Володиёй останетесь? Вдруг он потом проговорится Анне Брониславовне?

– А мы и его оставим! – Инна была в восторге, что Вера почти согласилась. – Тем более что твой Серёжа с моим Красавчиком вон как упились. Скажем, что они остаются, потому что опасно их в таком виде отпускать. Их же быстро в вытрезвитель загребут. А я останусь за компанию, чтобы тебе не страшно было с двумя парнями ночевать.

– Ну ладно. Оставайтесь. Но только я постелю вам в разных комнатах.

– Конечно. А я уж сама постараюсь, чтобы Красавчик в моей кровати оказался.

– Ох, Инночка, не к добру всё это.

– К добру, к добру. Выдать замуж подругу – что может быть благороднее?

Так и сделали. Все ушли, кроме Инны, Володи и Сергея. Вера постелила Инне в своей комнате, Володе – в гостиной, Серёже – в Глашиной комнате, а самой пришлось лечь в спальне родителей Вадима.

Вера долго не могла уснуть, переживая, что помогла подруге пасть так низко. То, что она сама согрешила до свадьбы, казалось ей менее постыдным. Ведь она не хотела этого. Вадим, можно сказать, силой её взял. А Инна, молодая девушка, сама подстраивала своё грехопадение. Ужас! И Вера к этому тоже причастна. Кошмар!

Вера закрыла глаза и вспомнила их ночи с Вадимом. Как это было прекрасно! Его ласковые руки заставляли трепетать каждую клеточку её тела. А жаркие губы! А немного пахнущие табачным дымом волосы! Как ей нравилось вдыхать этот запах! Запах мужчины. Любимого мужчины. Верочка вздохнула.

«Как ты там живёшь, Вадимка? Скучаешь ли? Господи, дай мне силы вытерпеть без любимого два года!»

Дверь скрипнула. Верочка вскочила.

– Кто здесь?

– Вера, это я, Сергей. Не бойся, я пришёл к тебе поговорить.

Сергей сел на край кровати. Минуту он молчал.

– Серёж, иди спать. Завтра поговорим.

– Завтра рано утром я уеду. Я пришёл попрощаться. Возможно, мы больше никогда не увидимся. Ты хорошая девчонка. Мне жаль терять такого друга, как ты.

– Ты уезжаешь? – огорчилась Верочка. – Мне тоже очень жалко терять друзей. За последнее время все только и делают, что покидают меня. А куда ты уезжаешь?

– Я пока не знаю.

– Как это?

– А мне всё равно куда. Завтра приеду на вокзал и выберу город.

– Подожди, я ничего не понимаю. Зачем ты едешь, сам не зная куда?

Сергей опять замолчал. Несколько минут его тёмный чуть сторбленный силуэт оставался неподвижным. Верочка его не торопила. Пусть сам решает, рассказывать или нет ей о своих проблемах.

– Видишь ли, я влип в очень неприятную историю... Можно я закурю? – наконец нарушил он молчание и, не дожидаясь разрешения, закурил. – Вчера получил письмо от Танюшки. В принципе нормальное письмо. Она рассказывала о своём стройотряде, о девчонках, о ребятах. Всё как всегда. Но было что-то не так. Слишком сухое, официальное, что ли, оно было. Как отчёт о прожитом дне. Может, я себя накручиваю, но мне показалось, что исчезла та нежность, любовь, с которой она мне раньше писала. Чёрт! Я не знаю, что там происходит, но я чувствую, что она закрутила роман с каким-нибудь дохлым студентишкой. Стерва!

Сергей сплюнул от злости на ковёр. Вера испугалась. Таким она его никогда не видела. Он придвинулся ближе и дышал на Веру перегаром.

– Понимаешь, я ненавижу, когда меня водят за нос. Лучше бы сразу написала: всё, мол, надоел ты мне, прошла любовь, завяли помидоры, я теперь полюбила другого... Так нет, пишет всякие фигли-мигли про какой-то там поход, про танцы, про дурака-прораба. И ни слова о нас, о любви!

– Ну что ты, Серёж, – робко попыталась возразить Вера, – не переживай, любит она тебя. Просто стесняется об этом в каждом письме писать. Скоро она приедет, и ты увидишь, что всё осталось между вами по-прежнему. Иди ложись спать. Я-то думала, что у тебя серьёзная проблема. А это всё ерунда. Ты действительно себя напрасно накручиваешь.

– А я тебе ещё про свою проблему и не рассказал, – горько усмехнулся Сергей. – Понимаешь, разозлился я очень, когда прочитал это проклятое письмо. А потом взял да и выпил с горя. И тут как назло звонит Виктор Сергеевич и просит съездить к твоим на дачу, привезти их сюда. Не смог я ему сказать, что не могу поехать, потому что выпил. Он мужик крутой. Терпеть не может пьянство. Когда меня брал на работу, главным условием было вести трезвый образ жизни. Он как раз перед этим своего прежнего водителя из-за пьянства уволил. Короче, поехал я на дачу. И вот, когда уже я выехал из Москвы, стал обгонять какого-то «чайника», который еле-еле тащился, а тут вдруг навстречу мне выскочила «Волга». Я увернулся, но всё равно бампером задел её крыло. «Волгу» закрутило и в кювет. Всё. У «Волги» весь левый бок покорёжен, а у меня только бампер перекосило. Короче, вылез из «Волги» мужик. Интеллигентный такой с виду, худенький. Подошёл ко мне и так вежливо говорит: «Ну что, товарищ, так заплатите или по-другому будем беседовать? О! Да вы, голубчик, ещё и выпивши! Н-да, таких, как вы, учить надо». Я ещё усмехнулся. Думаю, он драться со мной решил. Так я бы его одной левой завалил. «Нет, – говорю, – у меня денег. И не надейся. Ничего я платить не буду. К тому же ты сам виноват: на встречную полосу выехал». Тогда этот доходяга лезет в карман и вытаскивает красную книжечку. А когда он развернул и дал мне прочитать, что там написано, у меня всё поплыло перед глазами. А потом он что-то на бумажке написал и мне протягивает. «Завтра, – говорит, – в два часа с этой суммой жду вас на этом же месте. Запомните: завтра в два. Не привезёте – пеняйте на себя». Сел в машину и уехал. А я, когда взглянул на цифру, чуть под колёса проезжающих машин не бросился. Где я столько денег возьму? Если только материн дом в деревне продать. Но на это уйдёт минимум неделя. А мне уже деньги завтра нужны.

– И что же теперь будет?

– Бежать мне надо. С такими людьми, как тот мужик, не шутят.

– А ты попроси денег у Виктора Сергеевича. Он ведь может тебе одолжить?

– Да ты что! Если он только узнает, сразу меня пинком под зад выгонит. Нет, дело труба. Не видать мне больше ни хорошей работы, ни Танюшки, ни тебя. Уеду куда глаза глядят.

Вера услышала, как Сергей всхлипнул. Плачет он, что ли? Точно. «Скупые» мужские слёзы градом лились из пьяных глаз парня. Вере стало безумно жаль бедолагу. Она робко погладила его по голове. Серёжа завалился рядом на кровать поверх одеяла. Вера гладила его волосы и обещала, что всё образумится, что завтра утром они придумают, как выпутаться из этой истории. Вскоре Сергей заснул. Вера укрыла его и ушла в Глашину комнату спать.

Утром Вера встала раньше всех и пошла на кухню готовить завтрак. На запах ароматного кофе пришла Инна.

– Есть-то как хочется! – пропела она, сладко потягиваясь.

Верочка оглянулась и остолбенела.

– Инна! Ты зачем ночнушку Анны Брониславовны надела?!

– А в чём я ещё должна с женихом в первую брачную ночь спать? В этих позорных хлопчатобумажных трусах с лифчиком? Ведь таких шёлковых ночнушек, как у твоей свекрухи, днём с огнём не достанешь. А тебе что, жалко? Я же тебе свои вещи давала носить.

– Но это не моя ночнушка. Это же свекрови!

– Какая разница? Здесь теперь всё твоё. К тому же не переживай, я её постираю. Свекруха даже не заметит.

– Анна Брониславовна сегодня уже должна приехать. Серёжа сказал. Так что стирать нельзя, она не успеет высохнуть. Ладно, сложи аккуратно и положи на место. И давайте быстрее завтракайте и уходите. Не дай бог, свекровь со свёкром заявятся.

Инна ушла, но через пять минут вернулась в свекровином халате.

– Ты что! – накинулась на неё Вера. – Я же просила тебя не трогать её вещи. Сними сейчас же! Ещё пятно поставишь. Иди переодевайся.

– Не могу я переодеться. Я свои вещи в комод в спальне твоей свекрови спрятала. А там на кровати, где ты, между прочим, этой ночью спала, Серёжа голый лежит, – усмехнулась Инна. – Ай да Вера! Ай да Верунчик – божий одуванчик! А ещё меня морали вздумала обучать! «Серёжа просто друг. Он шофёр, продукты привозит», – кривляясь, передразнила она Веру. – А к тебе в постель зачем он залез? По-дружески утешить или ты так с ним за бензин расплачиваешься?

Вера вспыхнула до корней волос.

– Н-н-ничего у нас с ним не было, – заплетающимся языком промямлила Вера. – У него проблемы. Он пришёл мне рассказать и заснул. А я спала в Глашиной комнате.

– Ну да, конечно. Ты это своему мужу рассказывай. А мне всё равно, было у вас что-то или не получилось. Только у меня к тебе просьба: не надо святую из себя строить. Меня тошнит от твоего ханжества! Ты ничем не лучше меня, а может, даже и хуже. Я-то хоть сплю с будущим мужем!

Инна схватила бутерброд со стола и ушла.

– Господи, как глупо! – вздохнула Вера. Она села на стул и уставилась в окно. Через несколько минут она услышала, как хлопнула входная дверь. Инна с Володей ушли. Вера прошла в комнату свекрови. Там поверх одеяла спал в одних трусах Сергей. Прямо на него Инна бросила ночнушку и халат. Вера убрала одежду свекрови в комод и стала тормошить парня. Сергей сел на кровати и непонимающе уставился на девушку.

– Вера? Я что, здесь ночевал? С тобой?!

– Господи! И ты туда же! Да, ночевал. Ты вчера упился и остался здесь спать. Только ничего у нас с тобой не было. Слышишь! Не было! – закричала Вера. Из глаз её полились слёзы.

– Ты чего? – удивился Сергей. – Не было, так не было. Ты чего, обиделась из-за этого, что ли?

– Я? Обиделась?! Ты что, совсем спятил? Мне никто, кроме Вадима, не нужен. Одевайся и уматывай отсюда.

Сергей быстро оделся и направился к двери. Верочке стало стыдно, что она сорвала злость на ни в чём не повинном парне. Ему и так плохо.

– Серёж, прости. Я сгоряча так ляпнула. Иди кофе попей с бутербродами.

Сергей сел за стол и молча смотрел, как Вера наливает в чашку кофе.

– Серёж, а много ты должен отдать? – участливо спросила Вера.

Парень вытащил из кармана сложенную бумажку и отдал её Вере.

– Ничего себе! – поразились она. – На эти деньги можно новую машину купить. Он что, обнаглел? Пусть подаёт в суд. Никто ему такие деньги не присудит.

– Скорее меня посадят в тюрьму. Вместе с ним ехала девушка. Он сказал, что она сильно ранена.

– Девушка? Ты мне ничего вчера про неё не говорил.

Сергей по глотку отхлёбывал кофе и смотрел в окно на мирно плывущие облака. Поставив пустую чашку на стол, он встал.

– Пойду я. Прощай. Спасибо за всё.

– Подожди. Сядь. Надо что-то придумать.

– А что тут можно придумать? Кто такую сумму одолжит?

– А когда ты сможешь вернуть эти деньги?

– Как только продам дом. В принципе покупателей найти не проблема. Дом хороший. А что, у тебя есть знакомые, которые могут одолжить такие деньги?

– Нет, таких знакомых у меня нет.

– Тогда что мы обсуждаем? Пойду я.

– Подожди. А может, попросить его подождать? Ты объясни ему, что тебе нужно только дом продать. Может, он пойдёт тебе на уступки?

– Не пойдёт. Я ему в морду дал.

– Ударил?! Ты мне этого не рассказывал.

– Да он как сказал, что таких, как я, учить надо, я не сдержался, вылез из машины и врезал ему. Я же не знал тогда, кто он. Да и пьяный был. Ещё хорошо, что он на деньги согласился. Мог бы из вредности меня сразу в тюрьму засадить. Меня-то по номеру машины вычислить – раз плюнуть. Ладно, пойду я. Надо ещё вещи собрать.

– Подожди, сядь.

Вера задумалась.

– Понимаешь, я могу дать тебе эти деньги, но ты должен как можно скорее их вернуть.

– У тебя есть столько денег?! – поразился Сергей.

– У меня нет. Но я видела, куда свекровь прячет деньги. Там их много. Тебе хватит. Только я боюсь, что она обнаружит. Постарайся вернуть их как можно скорее.

– Нет, я не могу взять эти деньги. Ты из-за меня сама можешь пострадать. Как ты объяснишь исчезновение, если вдруг всё раскроется?

– Придумаю что-нибудь. У нас всё равно другого выхода нет.

– У нас?! Спасибо тебе. Ты самый лучший мой друг!

Вера достала деньги и проводила Сергея до двери.

К обеду приехали свекровь со свёкром и с Глашей. Вера успела всё убрать, поэтому была уверена, что родственники не догадаются о вчерашней вечеринке. Всё было прекрасно до самого вечера. Кошмар начался, когда свекровь пошла спать.

– Вера! – послышался её крик из спальни. – Вера! Сейчас же иди сюда!

Вера на дрожащих ногах вошла в её комнату.

– Кто здесь был? – ледяным тоном произнесла свекровь. – Сейчас же отвечай: кто лежал на моей постели?

У Веры холодок ужаса пробежал по спине.

– Я спала на вашей кровати.

– С кем? – голос свекрови не сулил ничего хорошего.

– Одна.

– Не смей мне врать! – взвизгнула Анна Брониславовна. – Я не потерплю лжи в своём доме!

– Аня, что случилось? – пришёл на шум Николай Ефимович.

– Она... – свекровь схватилась за сердце и срывающимся голосом простонала: – Она была здесь с мужчиной!!!

Они оба уставились на Веру.

– Нет. Это неправда, – пролепетала Вера.

– Не смей лгать! В этом доме никогда никто не обманывал. Либо ты сейчас же расскажешь всю правду, либо убирайся вон!

Пришлось Вере заплетающимся языком рассказать про вечеринку.

– Ко мне приходили гости. Инна с друзьями. Вот. А потом Володя, племянник того самого, ну которого я на свадьбе ударила... В общем, он сильно выпил и пришлось ему у нас ночевать. И ещё несколько гостей осталось.

– А это чьё? – свекровь подняла ладонь, на которой лежала запонка. – Это было под моей подушкой. Чьё, я спрашиваю? Только не ври!

– Это Сергея, нашего шофёра, – выдохнула Верочка, – он тоже был пьяный. И я его на вашей кровати положила.

– Чудесно! Значит, ты устроила в нашей квартире пьяный бордель! Замечательно! Боже! Как я посмотрю в глаза Вадиму? Что я ему скажу, когда он спросит, как тут его жена жила? Что она в нашей квартире пьянствовала и развратничала?!

– Это неправда! Я ни с кем не развратничала. Спросите у Сергея.

– Но ты же вначале сказала, что сама спала здесь, а потом выясняется, что и Сергей ночевал на нашей кровати!

– Да нет, я спала сначала, а Серёжа потом...

– Всё, хватит. Я не желаю слушать этот бред. Уйди прочь!

Вера убежала, а свекровь расплакалась.

– Что за наказание на нашу голову? – вытирала она слёзы. – И где он только это чудовище подобрал? Наверняка на улице...

Утром за завтраком с Верой никто не разговаривал. Да и она чувствовала себя подавленно. Отставив чашку, свекровь приложила салфетку к губам и, бросив её на тарелку, сказала, ни к кому не обращаясь:

– Послезавтра прилетает Вадим. Виктор Сергеевич об этом сказал.

Вера уронила ложку в фарфоровую чашку, и та разбилась. Кофе чёрным пятном растёкся по скатерти.

– Ой! – вскрикнула Вера, переживая за чашку. – Простите.

– Тебе не у нас надо прощение просить, а у Вадима. Только вряд ли он простит.

Анна Брониславовна ушла в свою комнату.

– Что же ты, Вера, наделала! – вздохнул Николай Ефимович и, допив чай, тоже вышел из комнаты.

– Я ни в чём не виновата! – крикнула Вера им вслед.

Оставшись одна за столом, Вера тяжело вздохнула.

«Ну почему я всегда попадаю в такие idiotские ситуации? Я же не виновата! Почему мне никто не верит? Боже, какая я несчастная! Нет, подожди. Почему несчастная? Вадим же скоро приедет!!! Ой, какая я счастливая! Я ему всё объясню, а Серёжа подтвердит мои слова. Вот всё и образуется».

Вера заулыбалась.

А в другой комнате свёкор вёл тяжёлый разговор с Анной Брониславовной.

– Пойми, Аня, Вадим с Верой – это отдельная самостоятельная семья, хоть они и живут с нами, – убеждал Николай Ефимович жену. – Поэтому мы не имеем права вмешиваться в их дела. Я запрещаю тебе говорить что-либо Вадиму об этом инциденте.

– Но как же... – попыталась возразить Анна Брониславовна.

– У тебя нет никаких весомых доказательств, согрешила Вера или нет. А раз так, то разносить сплетни я не позволю, – отрезал Николай Ефимович. – Пусть они сами между собой разбираются. Поняла?

Свекровь нехотя кивнула.

Но Вадим не приехал ни послезавтра, ни через неделю. Видимо, что-то там его задержало. Серёжка тоже больше не показывался. Свекровь отказалась от его услуг. Деньги Серёжа через неделю вернул. Так что пропажу никто не заметил.

Через несколько дней позвонила Инна и как ни в чём не бывало заворковала:

– Привет, Верунчик! Как дела?

– Ох, Инна, хуже некуда, – вздохнула Вера.

– А что случилось?

– Да с родителями поссорилась из-за той вечеринки. Они теперь со мной не разговаривают.

– А откуда они узнали?

– Они нашли Серёжкину запонку в своей спальне, и пришлось им всё рассказать.

– Ну и дура. Боже, какая же ты дура! Кто же про такое рассказывает?! Надо было отпираться до конца. Ты что, не могла что-нибудь им наплести?

– Врать?! Нет, врать я не хочу.

– Идиотка! Кому нужна твоя правда? Всё равно они будут думать, что ты врешь и на самом деле всё было гораздо хуже, чем ты на себя наговорила. Никому ты теперь ничего не докажешь.

– Вадим придет, и я ему всё объясню. Он поймёт.

– Ага, держи карман шире, а глаз подальше от его кулаков. Он тебе точно врежет. Хотя не знаю, как там у этих интеллигентов принято, но нормальный мужик тебе точно бы врезал. Так что, подруга, готовь зелёнку и тёмные очки.

– Но я же ни в чём не виновата! У нас с Серёжкой ничего не было!

– Значит, ты дура вдвойне. За дело не так обидно в глаз получать.

– Прекрати! Прекрати меня обзывать душой! Прекрати меня пугать! Вадим не такой. Он меня простит.

– Ага, после того, как врежет, может, и простит. Куда ему деваться? Сам же такую дурочку в жёны взял.

– Перестань! – закричала Вера. – Я не желаю больше этого слушать. Ты позвонила, чтобы поиздеваться надо мной?

– Ладно, не кипятись. Я позвонила, чтобы узнать, когда твои предки опять на дачу съезжают. В прошлый раз ведь здорово повеселились. Слушай, а может, по-тихому опять соберёмся? Мы потом всё-всё уберём, так что никто ничего не узнает. А?

– Инна, да ты что?! У меня из-за твоей вечеринки дома такие неприятности, а ты меня опять на это толкаешь?

– Из-за моей вечеринки?! – возмутилась Инна. – Ты, Верунчик, пожалуйста, не сваливай свою вину на меня. Предки что, нашли запонки моего Красавчика или мой лифчик в своей спальне? А может, кто-то из наших друзей оставил свои подтяжки у них под подушкой? Насколько я помню, Серёжа не входит в число моих друзей. Так что, дорогая, извини, но я тут ни при чём. Это твой дружок тебе нагадил. И это запахло обвинять во всём меня. Прощай. Не хочу больше с тобой разговаривать.

– Инночка, подожди. Прости меня. Ты действительно не виновата. Просто мне сейчас очень плохо. Не сердись.

– Ладно. Замнём. Просто, если честно, я тоже переживаю. А вдруг я не залетела? Мне бы хотелось повторить с Красавчиком. Понимаешь? Помоги мне, Верунчик, пожалуйста. Я буду тебе очень-очень благодарна. Можно даже без других гостей обойтись. Просто мы с Красавчиком к тебе придём в гости. Посидим, то да сё. А ты потом скажешь, что голова разболелась, и уйдёшь. А? Договорились?

– Нет, Инна, ничего не получится. Родители меня теперь одну не оставляют. Со мной теперь всё время Глаша живёт.

– Чёрт! Чтоб её! Ладно, пока. Как-нибудь звякну.

Вадим приехал совершенно неожиданно, когда его уже перестали ждать. Поздней ночью он открыл дверь своим ключом и тихонько прошёл в спальню. Увидев сладко спящую жену, он быстро скинул с себя одежду и со словами «солнышко, я так по тебе соскучился» полез к ней под одеяло.

Вера спросонья не поняла, кто же это осыпает её лицо жаркими поцелуями и, задрав ночнушку, пытается ею овладеть. На минуту она застыла в шоке. Только что ей снился сон, как она оправдывалась перед парткомом своего завода, что у неё с Серёжкой ничего не было. Поэтому первой мыслью было: это Сергей. Вера так взбесилась! И, словно наглядно доказывая всем заводским коммунистам, что она честная женщина и не допустит порочащих себя связей с другим мужчиной, стала изо всех сил лупить Вадима руками и ногами. В довершение она ударила мужа кулаком в ухо и спихнула с кровати. Вадим, больно стукнувшись головой о тумбочку, вскрикнул.

Вера вскочила с кровати и включила свет. Каково же было её удивление, когда она увидела на полу своего мужа!

– Вадим?!! – охнула она.

– А кто же ещё? – проворчал он, потирая ушибленную голову. Из маленькой ранки сочилась кровь.

– Я подумала, что это... – Вера осеклась, – что это вор.

– Вор бы серебро да золото воровал, а не тебя целовал. Ну спасибо тебе. Так-то ты встречаешь мужа после долгой разлуки!

– Вадимка, миленький, родненький! – наконец-то кинулась она к нему, упав на колени, обхватила его за шею и стала осыпать поцелуями.

– Тише, тише, задушишь, – засмеялся Вадим. – У меня, оказывается, не жена, а террористка какая-то. Всех мужиков вокруг калечит.

– Ой, Вадимка, прости. Я нечаянно. Я спросонья...

– Да ладно, чего уж там.

– Ох, у тебя тут кровь! Сейчас, подожди, я йод принесу.

– И лёд из холодильника захвати, а то ухо болит. Вон как опухло.

Вера принесла всё необходимое и старательно перебинтовала мужу голову, сделав ему повязку «чепчик», которую она освоила на уроках начальной военной подготовки. А потом, положив его голову к себе на колени, она приложила грелку со льдом к посиневшему уху.

– Вадимка, я так соскучилась по тебе! Мне так без тебя плохо, – вздохнула Вера. – Не уезжай! Милый, прошу тебя, не оставляй меня больше одну!

Вера заплакала. Вадим поднялся и притянул её к себе.

– Солнышко, я тоже безумно по тебе скучаю. Мне так тебя не хватает! Ты знаешь, там я понял, насколько сильно я тебя люблю! Я думал о тебе всегда. Каждый день, каждый час, каждую минуту! Мне так хотелось очутиться рядом с тобой, взять в ладони твоё курносое личико и расцеловать каждую веснушку на твоих щёчках. Ты знаешь, вместо меня ведь в Москву должен был ехать другой, а я буквально вымолил у начальника послать меня.

– Так оставайся дома. Больше не уезжай.

– Если бы всё было так просто! Но я надеюсь здесь всё-таки уговорить начальство разрешить взять тебя с собой.

– Правда?!! – Вера радостно заулыбалась и поцеловала Вадима.

Он увлёк её на кровать, и наконец-то они занялись тем, чего так страстно желали.

Утром Николай Ефимович забеспокоился, почему Вера не вышла к завтраку.

– Вот именно. Уже десять часов, а эта «барыня» ещё не встала, – проворчала Анна Брониславовна. – Ну и пусть. Лично я не стремлюсь делить с ней трапезу.

– Аня, прекрати! Куда делась твоя интеллигентность и терпимость к людям? – строгим голосом отчитал её Николай Ефимович. – Мы одна семья, и неважно, нравимся мы друг другу или нет, но семейные традиции нарушать нельзя. Глаша, иди разбуди её.

Через некоторое время в гостиную зашли, держась за руки, счастливые Вадим с Верочкой. Свекровь, подняв глаза, уставилась на сына, в ужасе открыв рот. Да, в повязке «чепчик», с лиловым ухом и с синяками под глазами от бессонной ночи, Вадим смотрелся удручающе. Даже счастливая улыбка на его измученном лице выглядела как-то по-идиотски.

– Сынок! В тебя там стреляли?!! Тебя ранили?!! – охнула Анна Брониславовна и, закатив глаза, стала сползать со стула.

Её вовремя подхватил Николай Ефимович, а то она бы упала на пол. Все засуетились вокруг неё. Вадим обмахивал её салфеткой, Вера пыталась влить в приоткрытый рот воды. Глаша, громко топая, неслась по коридору, держа в вытянутой руке пузырь с нашатырным спиртом. Но спирт не понадобился, так как Анна Брониславовна благодаря Вере чуть не захлебнулась водой. Она закашлялась, отпихнула Верину руку со стаканом так, что вся вода выплеснулась Николаю Ефимовичу в лицо, и встала.

– Вадюша! Эти капиталисты хотели тебя убить! Не пуцу! Я больше никуда тебя не отпущу! – закричала Анна Брониславовна и вцепилась в сына мёртвой хваткой.

– Мама, ну что ты! Никто в меня не стрелял. Успокойся. Это я здесь голову расшиб. Не хотел вас будить, вот в темноте головой о дверной косяк и ударился. Ты не переживай, у меня на голове маленькая царапина. А повязку мне Верочка на всякий случай повязала.

Свекровь подозрительно посмотрела на невестку, отчего девушку слегка передёрнуло. Вера опустила глаза. Анна Брониславовна уже спокойно обняла сына.

– Ну здравствуй, сынок. Что же ты не сообщил, когда приедешь? Я бы не легла спать, а ждала тебя.

– Да ну, мам, это ни к чему. Не стоило вам всю ночь меня ждать. Кроме того, я хотел сделать вам сюрприз. Он, кстати, получился, – улыбнулся Вадим, взглянув на жену. Вера покраснела.

– Ох, Вадюша, что же мы стоим? Садись к столу. Ты же голоден. Глаша, неси скорее ещё один прибор и посмотри в холодильнике, что там есть вкусненькое. Всё-всё неси сюда. Господи, радость-то какая! Вадюша наш приехал!

Стол накрыли, и Анна Брониславовна с умилением наблюдала, как сын поедает завтрак. Единственное, что её злило, – это то, как Вадим ухаживал за Верой. В его взгляде, в том, как он уговаривал Веру съесть то бутерброд с икрой, то хоть ложку салата, чувствовалось столько любви и нежности, что свекровь с трудом могла на это смотреть. Но послушаться мужа и рассказать всё Вадиму она не смела. И дело было не в страхе перед мужем, а в огромном уважении к нему как к главе семьи.

Вадим пробыл дома только два дня. Вечером он вернулся с работы угрюмый и, опустив глаза, сказал Вере, что ему завтра уже надо ехать. А хуже всего то, что Веру взять с собой не получается. Ведь он работает пока лишь стажёром. Вот когда его возьмут на постоянную работу в посольство – тогда, безусловно, вопрос с переездом его жены во Францию будет решён положительно. А пока ему отказали в просьбе.

Это расставание было намного тяжелее, чем когда Вадим уезжал в первый раз. Вера так судорожно цеплялась за пиджак мужа, что даже пришлось разжимать её пальцы.

– Солнышко, любимая, мне пора. Не плачь. Я постараюсь ещё приехать. Возможно, через месяц. Я буду добиваться, чтобы ты туда приехала. Вот увидишь, время пролетит незаметно, и мы опять будем вместе.

– Вера, держи себя в руках, – проворчала свекровь, отстраняя плачущую невестку от сына. – Давай, Вадюша, попрощаемся. Напиши, если сможешь. И будь там поосторожней. Береги себя.

– До свидания, сын. Служи преданно родине, – дал последнее напутствие отец.

И опять наступили безрадостные дни. Вера сходила с ума от тоски. Она практически перестала есть, целыми днями валялась на кровати, прижимая к груди рубашку Вадима, и смотрела в окно на плывущие облака. Она сильно похудела, но даже один вид пищи вызывал у неё отвращение. Как Глаша ни старалась накормить её чем-нибудь повкуснее, Вера, еле сдерживая тошноту, от всего отказывалась. Пока однажды утром, сопоставив все признаки, Вера вдруг поняла, что забеременела. Это известие так её ошеломило, что она, не помня себя от восторга, ворвалась в спальню свекрови и радостно завопила: «Мамочка! Мамочка! Я, наверное, беременная! У меня будет ребёнок!!!»

Анна Брониславовна вздрогнула и, сев на кровати, непонимающе захлопала ресницами. Сфокусировав наконец-то глаза на невестке, она минуту сидела молча, разглядывая Верину улыбку. А улыбалась Вера, как говорится, до ушей, наслаждаясь торжественностью момента.

«Вот сейчас свекровь встанет, обнимет меня, расцелует и скажет: «Поздравляю! Это замечательно! Ты родишь нам внука или внучку, и мы наконец-то заживём счастливо. Ты просто молодец!» А я ей отвечу: «Знаете, мама, я решила, что если родится дочка, я назову её в вашу честь Анечкой, а сына в честь Николая Ефимовича назову Коленькой». А она от счастья прослезится. Мы сядем на кровати обнявшись, попросим друг у друга за всё прощение, поплачем, а потом наговорим друг другу кучу приятностей».

– И по какому поводу веселимся? – вдруг произнесла свекровь, не проявляя ни капли радости.

– Я беременная!!! – ещё раз произнесла Вера и заулыбалась ещё шире.

– Да? И от кого?

Вера непонимающе посмотрела на Анну Брониславовну.

– Как это от кого? От Вадима, естественно.

– А ты уверена? – усмехнулась свекровь.

Улыбка тут же слетела с Вериных губ.

– Конечно. От кого же ещё?

– Ты у меня спрашиваешь? Тебе лучше знать, какие у тебя были любовники. Я тебя поймала с Серёжей. А кто у тебя был кроме него, я не знаю.

– Никого у меня, кроме него, не было. Ой! То есть я хотела сказать, что и с Серёжей у меня ничего не было. И других любовников у меня тоже не было. Ой! И Серёжа не мой любовник. Вот. Вы меня совсем запутали.

– Я тебя запутала? По-моему, ты сама в своих любовниках запуталась.

– Не было у меня никаких любовников! – закричала, чуть не плача, Вера. – Этот ребёнок от Вадима!

– Вот как? Ты, значит, решила чьё-то дитя повесить на моего сына? Чтобы он, как последний дурачок, воспитывал чужого ребёнка? Не выйдет, дорогая моя. И послушай, что я тебе скажу. Шустрая ты девушка! Но я тебя раскусила. Тебе захотелось стать москвичкой, выбраться из своей, как ты выражаешься, общаги. Надоело тебе работать на заводе с утра до вечера, вот ты и решила найти какого-нибудь простофилю, одурачить и женить его на себе. А тут как раз у моего Вадима были проблемы в личной жизни. Ты подходящий выбрала момент. Прикинулась такой милашкой-простушкой. Вот он на твою удочку и попался. Но стоило ему уехать, как маска тут же слетела с твоего лица. Ты тайно стала устраивать со своей гулящей подругой вечеринки, приглашала мужчин. Ты даже не побрезговала шофёром нашего лучшего друга! И подружка у тебя такая же. Тоже мечтает москвичкой стать? Вон как в Володю вцепилась. Наверняка уже и в постель к нему запрыгнула. Так ведь? И на чьей кровати они были? На твоей или на Глашиной? Дожила я. Мой дом в бордель превратился! – свекровь брезгливо передёрнула плечами. – Но тут у тебя вышла промашка. Я всё узнала. А теперь ты боишься, что когда я расскажу Вадиму, он тебя выгонит. И ты хоть и прикидываешься дурочкой, но

быстро сообразила, что спасти от развода тебя может только ребёнок. Не удивлюсь, если отцом этого ребёнка окажется какой-нибудь дворник или сантехник нашего дома. Ты ведь никем не брезгуешь. Но вот что я скажу: не выйдет! Я не позволю и дальше дурачить моего сына! Как только он придет, я ему всё расскажу. И никто мне не помешает это сделать! И Николай тоже меня поймёт и поддержит! Да-да! Поддержит! Потому что это верх подлости – повесить на Вадима чужого ребёнка! Этого нельзя простить!

Вера в шоке смотрела на свекровь. Ей казалось, что всё происходит не с ней. Что весь этот бред лишь глупая шутка. Сейчас Анна Брониславовна улыбнётся и скажет: «Ну что? Здорово я тебя напугала?»

– Это ребёнок Вадима, – пролепетала Вера, – правда, поверьте мне.

– Милая моя, вы с Вадимом прожили полгода, и ничего у вас не получилось. Я думаю, и не могло получиться. Вы абсолютно разные, у вас разные хромосомы, гены, и я не знаю, как там по-научному объяснить, но вы совершенно друг другу не подходите. У вас не может быть детей. Это как пытаться получить потомство от королевского дога и дворовой болонки. Этого просто не может быть! А ты теперь будешь меня уверять, что полгода у вас ничего не получалось, а за две ночи получилось? Чушь!

– Но мы не собаки. Мы люди!

– О да! Только некоторые гордо именуют себя людьми, а ведут себя как дворняжки, задирая хвост перед каждым кобелём. Я устала. Я не хочу больше с тобой общаться. Я не хочу тебя видеть. Если в тебе осталось хоть чуть-чуть благородства, ты соберёшь свои вещи и уйдёшь из этого дома. Не доводи до скандала. Не заставляй меня рассказывать Вадиму всю эту грязь. Пожалей его. Он этого просто не вынесет. Уходи!

Вера растеряннo смотрела на Анну Брониславовну.

– Уходить?! – еле прошептала она.

– Да-да, уходи. Я дам тебе всё, что ты захочешь. Я сниму тебе квартиру, дам много денег. Ты сможешь жить безбедно с тем мужчиной, которого ты действительно полюбишь.

Свекровь с надеждой посмотрела на Веру.

– Но я люблю Вадима! Мне никого не надо! И денег ваших не надо! И квартира не нужна! И никуда я не уйду! – Вера перешла на крик. – Я ни в чём не виновата! Всё, что вы наговорили, неправда. И я вас не боюсь. Рассказывайте Вадиму всё что хотите. Он вам не поверит. Да-да. Не поверит. А я позову Серёжу, и он подтвердит, что мы с ним просто друзья и ничего у нас с ним не было. Слышите? Не было! И никакие мы с Вадимом не собаки. И очень даже мы подходим друг другу. А скоро я ему рожу ребёнка. Вот. Не щеночка, а ребёночка. И как бы вы ни злились, вы будете его бабушкой!

Вера выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Прибежав к себе, она расплакалась. В это же время в своей спальне плакала свекровь.

Жизнь стала ещё невыносимее. Свекровь с Верой теперь вообще не разговаривала. Свёкор придерживался нейтралитета, не влезал в ссору, но и больше не был на стороне невестки.

Все со страхом и с надеждой ждали приезда Вадима. Он должен будет принять какое-то решение. И свекровь, и Вера постоянно в уме проговаривали те слова, что они скажут Вадиму. Каждая надеялась, что сумеет убедить его принять именно её сторону.

Ожидание приезда Вадима стало для Веры смыслом жизни. Временами она боялась, что сойдёт с ума.

Каждое утро она старалась первой спуститься к вахтёру, чтобы забрать почту. В лифте она просматривала все письма. От Вадима за всё время пришло только одно письмо. Вера каждый день его перечитывала, хотя знала наизусть. Но ей было приятно разглядывать красивый почерк мужа.

Почти весь день Вера сидела на кухне у окна. Оттуда был виден вход в подъезд, и Вера часами смотрела на дорожку, желая увидеть идущего по ней Вадима. Он ведь обещал приехать через месяц. Но прошло уже полтора месяца, а Вадим не приезжал.

Однажды, перебирая почту в лифте, Вера обратила внимание на толстый конверт. Но, увы, он был не от Вадима, а от какого-то Краснова Василия Ивановича.

«Надо же, Василий Иванович. Как Чапаев, – усмехнулась Вера. – Везёт же Николаю Ефимовичу. Ему вон какие письма толстые пишут. А мне Вадим даже маленькой телеграммки не пришлёт. Забыл меня, наверное. Будь она проклята, эта Франция!»

Вера со злостью бросила почту на тумбочку в коридоре. Через полчаса, когда Вера зашла на кухню, она увидела, как Анна Брониславовна читает письмо. Взглянув на Веру, свекровь взяла пустой конверт со стола и ушла в свою комнату.

«Странно. Вроде Анне Брониславовне писем сегодня не было. А может, я просмотрела? А вдруг это письмо от Вадима?! Нет. Не могла я проглядеть. Она скорее всего читает то письмо от Василия Ивановича к её мужу. Тоже мне, интеллигентка, а чужие письма читает!»

Вера включила радио и заняла своё место у окна. Об этом письме она тут же забыла.

Наконец-то позвонила Инна. Вере так хотелось хоть с кем-нибудь пообщаться. Временами ей казалось, что скоро она вообще разучится говорить.

– Привет, Верунчик! – радостный голос Инны демонстрировал, что у неё дела шли очень хорошо.

– Ой, Инночка! Я так рада тебя слышать! Как ты поживаешь?

– Замечательно. Готовлюсь к свадьбе.

– Правда? Ой, как чудесно! Я так рада за тебя! А когда будет свадьба?

– Ещё не знаю. Надо же с его предками договориться, а они пока ещё не в курсе. Мне на днях предстоит через эти проклятые смотрины пройти. Представляешь?

– Подожди, я что-то не поняла. Родители Володи ещё не знают, что вы решили пожениться?

– Ну да. Красавчик бережёт их дряхлеющие сердца. Боится, что они от такой новости сразу окочурятся. Он хочет их постепенно подготовить. Пусть готовит. Я ему дала срок неделю. А если не успеет, я ему пригрозила, что сама к его предкам заявлюсь и скажу: «Здрасте! Ваш сыночек обрюхатил меня. И теперь мне, как порядочной девушке, надо либо выйти за него замуж, либо броситься под электричку в метро. Но перед этим я напишу письмо в райком комсомола, где подробно расскажу историю, как ваш сынуля меня совратил». Вот так. Красавчик как это услышал, так сразу же засуетился. А до этого только обещаниями меня кормил, сволочь этакая.

– Ой, Инночка, ты чего так своего жениха называешь?

– А как мне ещё его после всего называть? Я на него столько времени угрохала, а как припёрла его к стене, дескать, всё, хватит, натискались по подъездам, пора и кольца покупать, так он в кусты! Он после этого не просто сволочь, а самая наиподлейшая сволочь в мире! Обрюхатил бедную девушку и хочет бросить, – всхлипнула в трубку Инна.

– Инна, ты беременная? Ох, я тоже.

– Ты беременная?! Везёт же! Так, рассказывай, что ты чувствуешь. Тебя тошнит?

– Ну да, иногда.

– Когда?

– По утрам. А тебя?

– А еду ты всю ешь?

– Почти. Только не выношу лук, даже его запах. Как почувствую, тут же выворачивает.

– А ещё что чувствуешь?

– Да ничего. Один раз, правда, так ногу свело, что хотелось кричать. А Глаша сказала, что такое у беременных бывает.

– Понятно. А больше ничего с тобой не происходит?

– Нет. А у тебя как?

– Никак. Я же не на самом деле беременная. Это я так, притворяюсь.

– Притворяешься?!!

– Ну да.

– А зачем?

– Помнишь, в школе мы учили поговорку: «Уж замуж невтерпёж»? Так вот, мне как раз невтерпёж.

– Инна, а может, не надо? Ведь ты Володю не любишь. Нехорошо это.

– Почему плохо? Разве выходить замуж, трезво оценивая все плохие качества будущего мужа, – это плохо? Любовь, наоборот, всё только портит. Она накидывает розовую пелену на мужчину, пряча от женщины его рога и хвост. И он кажется таким святым ангелом с нимбом на макушке. И только после свадьбы вдруг понимаешь, что живёшь не с ангелом и не с архангелом, а знаешь с кем?

– С чёртом? – догадалась Верочка.

– Увы, даже не с чёртом, а с обыкновенным козлом. Вот твой Вадим ещё не заблеял?

– Инна, как ты можешь так говорить?!!

– Значит, пока ещё твой муженёк кутается в розовое покрывало. Вот когда ты заплачешь из-за него горькими слезами, тогда и разглядишь его козлиную морду, – Инна захихикала. – Представляешь, какая для тебя это будет трагедия, когда поймёшь, что ты ошиблась, перепутав нимб над головой с кривыми рогами. А я себя от этих разочарований застраховала. Я заранее знаю, что мой будущий муж козёл, и согласна жить с ним в его хлеву со всеми удобствами. И я не буду рыдать, когда он вдруг заблеет и начнёт выделять свои козлиные фортели. Так чей брак будет более прочным – мой или твой? А? Что молчишь? Конечно, мой! Вы, наивные барышни, чуть только увидите рога своего мужа, так сразу падаете в обморок и бежите разводиться. Либо всю жизнь страдаете и изводите себя и его упрёками да скандалами, пытаетесь ему хвост оторвать да рога открутить. Да только козла в ангела не переделаешь! А я его переделывать и не собираюсь, поэтому мы с Красавчиком будем жить мирно и счастливо. Вот так!

– Инна, но как же ты всю жизнь хочешь прожить без любви? Это так печально. И ты родишь ребёнка от нелюбимого человека? Это ужасно!

– Почему это я буду жить без любви? Вокруг столько шикарных самцов ходит, которые просто созданы для любви. Вроде твоего шофёра Серёжи. Но замуж за них идти – это верх глупости. Так что не переживай, у меня любви в жизни будет даже побольше, чем у тебя. А насчёт ребёнка ты права. Как представляю, что у меня родится лопухий ребёнок с таким же прыщавым лицом и огромным носом, как у Красавчика, так меня тошнит. Нет, отцом ребёнка должен быть красивый породистый мужик. Но его поиском я займусь после свадьбы. Так что, Верунчик, всё у меня будет чики-пуки. И семья у меня будет крепкая, и любовь у меня будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.